

НА ДАЛЁКОЙ ПЛАНЕТЕ

ТРИЛОГИЯ

ВАЛЕНТИН БЕЛЯКОВ

Валентин Бемяков

На далёкой планете

«Издательские решения»

Беляков В.

На далёкой планете / В. Беляков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983050-0

Цикл из трёх книг, действие которых объединено одним миром, где постоянно случаются катаклизмы: то всемирный потоп, то оледенение, то стычки старых и новых богов или противостояние науки и магии... Герои книги: путешественники поневоле и изобретатели, русалки и пираты, демоны и стареющие божества, странствующие рыцари и их ученики — разделены веками, но сходны в том, что хотят сделать мир лучше и защитить то, что им дорого.

ISBN 978-5-44-983050-0

© Беляков В.

© Издательские решения

Содержание

Валентин Бе­ля­ков	7
НА ДА­ЛЁ­КОЙ ПЛА­НЕ­ТЕ	8
Трилогия	8
содержание	9
На островах дале­кой планеты	10
Глава 1. Жизнь на сковородке	10
Глава 2. Эра дождя	12
Глава 3. Затопленный мир	13
Глава 4. Послание	15
Глава 5. Время действовать	17
Глава 6. Не­приветливый остров	18
Глава 7. Бессмысленная война	20
Глава 8. Старший брат	22
Глава 9. Операция №2	24
Глава 10. Бегство	26
Глава 11. Странствия продолжают­ся	28
Глава 12. Пожар в океане	30
Глава 13. Утопия	32
Глава 14. Четверо	34
Глава 15. Просто маленькая глава	36
Глава 16. Снова трое	37
Глава 17. Морские разбойники	39
Глава 18. В бухте Акульего хребта	42
Глава 19. В замке Мага	44
Глава 20. Волшебный корабль	46
Эпилог	48
Среди льдов да­лё­кой планеты	49
Глава 1. Город, название которого совершенно не важно. Земля, настоящее время	49
Глава 2. Остров Коппергарт. Вельт, эра Позднего Льда, восемь лет назад	51
Глава 3. Поместье Коулланд. Вельт, эра Позднего Льда	53
Глава 4. Особняк семьи Айсберг. Земля, наши дни	54
Глава 5. Окрестности Коппергарта. Вельт, эра Позднего Льда, восемь лет назад	56
Глава 6. Сделка в поместье Коулланд. Вельт, эра Позднего Льда	60
Глава 7. Комната на чердаке. Земля, наши дни	62
Глава 8. Где-то посреди замёрзшего Океана. Вельт, эра позднего льда, восемь лет назад	65
Глава 9. Гостиница Снежный Троль. Вельт, эра Позднего Льда	67
Глава 10. Комната Сэм и другие помещения особняка, а так же его окрестности. Земля, наши дни	70
Глава 11. Неподалёку от Штимгарта. Вельт, Эра Позднего льда, 8 лет назад	75
Глава 12. Лесная дорога и замок Норд-феррумвуд. Вельт, эра Позднего Льда	79

Конец ознакомительного фрагмента.

80

На далёкой планете

Валентин Бе́ляков

© Валентин Бе́ляков, 2020

ISBN 978-5-4498-3050-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валентин Беґаков

НА ДАЛЁКОЙ ПЛАНЕТЕ

Трилогия

содержание

На островах далекой планеты

Среди льдов далекой планеты

Танец молча или в болотах далёкой планеты

На островах далекой планеты

Глава 1. Жизнь на сковородке

Он осторожно высунулся из норы и огляделся. Кругом никого, ничего, пусто. Он быстро выбрался из расщелины. Во все стороны до самого горизонта и дальше дышала нестерпимым жаром мертвая пустыня. Сотни километров сухой окаменевшей земли, изборозженной неровными шрамами трещин. Мэй взглянул вверх. Солнце уже село, из черного, ясного и гладкого как глазурь неба светили звезды. Они жалобно мерцали сквозь раскаленный струящийся воздух. Беззвучный горячий ветер дул прямо в лицо, не давая прохлады. Он прислушался. Где-то далеко справа тишину нарушил слабый шорох. Мэй бросился на звук. Он бежал несколько минут, пока что-то не метнулось у него из-под ног. Мэй не мог разглядеть, кто это, потому что он был серый на сером, и к тому же было темно.

Зверек вдруг скакнул в сторону и исчез в узкой щели между камней.

– Лысый ёж! – шепотом выругался Мэй. Он просунул руку в щель и нащупал маленькое существо. Оно вгрызлось ему в руку, но ему было все равно. Почувствовав в пальцах его голову, он сильно сжал ее. Пискнуло, хрустнуло, затихло. Мэй попытался вытащить его, но щель была слишком узкой, чтобы в нее пролезла его добыча и рука, сжатая в кулак.

– Дважды лысый ёж! – пробормотал Мэй. Сильно ободрав руку, он все-таки вытащил из камней безвольное серое тельце. Он взвесил его в руке и прикинул, что хватит на два-три дня. «Сегодня, скорее всего, больше ничего не выловить», подумал Мэй.

Он вернулся к норе, спрятал свою добычу и отправился к скважине. Это было довольно далеко. «Почему я не поселился поближе к скважине?», размышлял Мэй, изнывая от жары.

Он стал вспоминать. Сначала на ум пришли смутные воспоминания из раннего детства. Тогда все было яркое, влажное и разноцветное. А потом стало быстро увядать. Куда девалась вода, неизвестно. Все пошло искать воду. Но казалось, весь мир превратился в пустыню. Земля становилась все более сухой и твердой. Вот почему он срочно вырыл нору в первом попавшемся месте. А скважину пробурили уже потом, когда последние ручьи пересохли.

Из темноты показался разошедшийся деревянный указатель. Он указывал три разных направления: туда, сюда и обратно. Возле него была идеально круглая дыра в земле – скважина. К указателю цепью приковано ржавое ведро. Мэй, обжигая руки, осторожно взял цепь, адски раскалившуюся за день от солнца. Он быстро опустил ведро во тьму скважины. Странный мягкий звук насторожил его. Должен был быть совсем другой звук – плеск. Потом бы он очень аккуратно, как самую великую драгоценность, вытащил на поверхность пол ведра грязно-бурой жижи, перелил бы в банку из-под «То, что надо» и отнес домой.

Разрываемый жутким предчувствием, он быстро вытащил ведро. Так и есть, точнее – нет! Ни капли воды, лишь горсть влажного песка.

– Тысяча лысых ежей! Какого дикобраза?!

Он судорожно вскочил и замер на месте. Он не знал, что делать. Неужели, все кончено? Умирать совсем не хотелось. Это ведь так ужасно, лежать и лежать, как идиот. И ты вроде бы здесь, но тебя уже нет. И никто тебя больше не замечает, кроме падальщиков и трупных червей, которые, наоборот, вдруг резко тебя заметили, обрадовались, как старому другу и подумали: «У-у-м, вкусняшка!».

Мэй затравленно огляделся. Он вздрогнул. Прямо перед ним возле указателя сидела большая двухголовая ящерица и тарасила на него свои немигающие фосфорицирующие глаза.

– Здравствуйте, – вздохнул он. Она не ответила. – Вода кончилась, – прокапитанил Мэй. Ящерица улыбнулась обоими ртами и хитро сощурила все четыре глаза.

– Да, все уже кончилось, – сказала одна голова.

– Нет, все только началось, – возразила другая.

И тут же ящерица исчезла, так же как и появилась, как будто ее и не было.

Мэй пожал плечами, посмотрел на указатель и пошел по направлению обратно. Вскоре он вернулся к себе в нору. Перед тем, как залезть туда, он снова посмотрел на небо. Оно слегка посветлело на западе, и звезды стали бледнеть. В зените висела какая-то странная штука с рваными краями. Она была маленькая, серая и полупрозрачная. Мэй залез в нору и лег спать.

Глава 2. Эра дождя

Он проснулся и долго лежал, тяжело дыша. Спальня находилась в пяти метрах под землей, но от стен все равно жарило, как в духовке. Очень хотелось пить. Мэй вышел в прихожую, она же гостиная, столовая и кухня. Он достал из кладовки свою вчерашнюю добычу и собирался ее приготовить, но есть не хотелось. В воздухе висела непроницаемая ватная духота. Он кинул быстрый взгляд на чахлый цветок, стоящий в горшке на столе. Когда-то давно кто-то умный посоветовал ему держать в доме растение, потому что они дают кислород. Цветок странно искривился, фиолетовые листья засохли, побурели и поникли. Может быть, поэтому так трудно дышать?

– Ну, супер! Сначала вода кончилась, потом кислород! Что еще придумают? Десять тысяч дикобразов! Задница зубастая!

Он почувствовал, что теряет сознание, вдохнул горячий воздух и закашлялся. Голова кружилась. Ему вдруг показалось, что раскаленные каменные стены давят на него. Он выскочил из норы и по привычке зажмурился, ожидая, что в глаза ударит слепящий свет солнца. Этого не случилось. Он осмотрелся, взглянул наверх и остоленел от удивления и ужаса. Странная штука, которую он видел вчера, уплотнилась, потемнела и разрослась на полнеба. Это была туча, догадался Мэй, просто он не видел туч так давно, что успел забыть, как они выглядят. Он сел, обхватив руками колени, и стал смотреть на тучу, запрокинув голову и широко улыбаясь. Он ждал. А она все росла и росла. Стало даже страшно смотреть на нее. Стало темно, как ночью. Тучи заслонили все небо. Они клубились, перемешиваемые ветром, и с каждой секундой становились все гуще, тяжелее и свирепее. И когда стало казаться, что они сейчас обрушатся и раздавят к чертям весь мир, на землю упали первые капли дождя. И через секунду весь мир наполнился шорохом, словно бесчисленные стада маленьких обезумевших существ носились по пустыне. Мэй издал странный невнятный крик и впал в истерический восторг, граничащий с безумием.

Очнувшись, он оказался сидящим в своей расщелине по горло в грязной бурлящей воде. Он выпил столько воды, что ему стало плохо. Он нырнул, через минуту вынырнул снова. Кругом вода: бурлит внизу, потоками льется сверху. Так много воды и темноты, что не видно даже самого себя. Еще вчера жители пустыни готовы были поубивать друг друга ради одного глотка воды. А теперь ее было так много... даже слишком много.

«Трижды лысый ёж! Я же сейчас утону!», пронзила его страшная мысль. Мэй почувствовал, что земля, превратившаяся в жидкую грязь, засасывает его все глубже и глубже. Он вскочил и бросился к стене расщелины. Он совершенно ничего не видел. Вода водопадом лилась на него. Он ошупью пытался выбраться из этой ловушки. Наконец, ему удалось выбраться, но бешеный поток воды сбил его с ног. Весь мир растекался и старался утопить его. Он понял, что наступил конец света, но продолжал карабкаться все выше и выше сквозь этот хаос, надеясь хоть как-то отсрочить свою гибель. Мэй взобрался на холм. По крайней мере, так он понял наощупь. «Вот и все», обреченно подумал Мэй. Он съезжился на вершине холма и стал ждать. Монотонно шуршал ливень. Иногда тучи пронзали судороги молний, и на мгновение тьма становилась ослепительно белой. И сейчас же страшную тишину раздирали раскаты грома. И где-то там, во тьме, на холме растекающегося песка, превратившегося в крошечный островок, сидело маленькое беспомощное существо. А бесконечный хищный океан подкрадывался и окружал его со всех сторон. Все ближе, ближе...

Глава 3. Затопленный мир

Поднялся штормовой ветер. Мэй услышал шум волн. Через секунду его смыло с холма и понесло. Он уже не понимал, где верх, где низ. Вода залилась ему в рот и в нос, он захлебнулся, его швыряло во все стороны. Он потерял сознание.

Очнулся он от того, что волны с размаху ударили его обо что-то твердое. «Земля, наверное...» Мэй совершенно ничего не соображал, но стал инстинктивно ползти вверх, пока хватило сил. Он добрался до чего-то твердого и шершавого. Ствол дерева. Он стал карабкаться по нему. Дерево было очень скользким. Мэй несколько раз падал в грязь. Потом ему все-таки удалось устроиться на ветвях, и он уснул.

...В лазурно голубом небе плыли легкие пушистые облака. Кругом был бесконечный спокойный океан. Мэй сидел на стрелке гигантского указателя. Всего стрелок было три. Одна из них указывала вверх, другая никуда, а третья куда-то. Рядом с ним сидела двухголовая ящерица.

– Ну что? – спросила одна голова.

– Куда? – спросила другая.

– Не знаю... наверное, куда-то. Только вот куда и зачем?

– Это и есть главный вопрос, – усмехнулась ящерица. – Не попробуешь, не узнаешь.

– Хорошо, тогда я, пожалуй, пойду. Ты со мной?

– Я всегда с тобой, – улыбнулась одна голова.

– А я тебя здесь подожду, – подмигнула другая. – Я здесь всех подожду...

Мэй проснулся. Ливень все еще продолжался, но было уже не так темно, и даже кое-что видно. Он находился на небольшом острове. В центре острова земля постепенно повышалась, пока не переходила в пологий холм. На холме росло пять деревьев. Мэй сидел на одном из них. Шторм прекратился, и грязновато-свинцовые волны глухо бормотали, лениво перекатываясь вдаль. Он услышал внизу чей-то жалобный писк. Мэй опустил взгляд и увидел у корней дерева какого-то маленького зверька, безрезультатно пытающегося забраться обратно наверх. Он спустился пониже, взял его за шкурку, поднял и посадил на соседнюю ветку.

– Так вот, лысый ёж! Смотри не соскользни.

– Ух, – шумно вздохнул зверек.

– Ты не волнуйся, – сказал Мэй стараясь успокоить его и себя заодно. – Когда все утихнет более-менее – спустимся, поймем рыбу какую-нибудь. Не пропадем!

– Угу.

– Главное, чтобы остров не затопило. А то, ишь, разверзлась тут, задница зубастая! – он указал на тучу.

Ливень шел еще несколько недель. Все это время приходилось передвигаться почти вслепую. И при этом очень осторожно, чтобы не смыло. Две трети острова затопило, и на поверхности остался только холм и его песчаная подошва. Тучи становились все легче и прозрачнее, пока, наконец, не превратились в веселые безобидные облака. Дождь прекратился. Из подошвы холма получился неплохой пляж. На склонах засиреневела трава. А на оживших деревьях распустились синие и оранжевые листья.

Мэй выловил еще несколько зверюшек и вырыл новую нору, в которую они сейчас же попытались залезть. Он был от этого не в восторге.

– Внимание, мелкота, – прикрикнул он. – Я запрещаю вам заходить в мой дом, трогать мои вещи без разрешения и вообще лезть в мои дела. Кто не понял?

Вся мелкота послушно закивала. А они меня слушаются, подумал он, отлично!

– Приказ номер два. Сейчас я вам всем удочки сделаю. Будете ловить рыбу.

Наладив, таким образом, экономику и внутреннюю политику, Мэй развалился на пляже и стал отдыхать.

Так прошло еще некоторое время. Деревья зацвели, а потом на них появились плоды. Мэй не обращал внимания на маленьких существ, которые жили на его острове, и не обижал их. А они ему поклонялись и всячески старались не мешать. Иногда волны приносили разный хлам. Мэй вылавливал его и конструировал всякие полезные механизмы. Ему очень хорошо жилось на острове. Но иногда его терзал один важный вопрос: правда ли, что его остров – единственный? Хорошо бы, если бы – нет. Все-таки грустно жить в затопленном мире...

Глава 4. Послание

Мэй стоял на пляже и напряженно вглядывался в пустой горизонт. Как обычно, ничего. Он задумчиво вздохнул и пошел работать над недостроенным аппаратом, похожим на вертолет. Внезапно он услышал хлопанье крыльев. Мэй поднял голову и увидел в вышине большую серую Птицу. Он сначала немного затупил от неожиданности, а потом помахал ей рукой.

– Эй, Пиксель! – крикнула Птица. – Можно у тебя тут приземлиться?

И, не дожидаясь ответа, спикировала и тяжело плюхнулась на пляж.

– Хорошо, что мне подвернулся этот твой остров! Ведь это ужас, что творится! Лечу над этим проклятым океаном уже пять дней без передышки, устала как свиновыдра...

– Откуда летите? – осторожно поинтересовался Мэй.

– Откуда... – сбилась с мысли Птица. – Да вот, летаю туда-сюда по разным островам.

– Так значит, есть другие острова! – он даже подпрыгнул от радости.

– А как же, разумеется! Были горы, холмы, стали острова! – Птица вильнула хвостом. – Поесть у тебя есть что-нибудь?

– Да, конечно, – он принес Птице немного рыбы и фруктов, а сам все думал о других островах. Сотни, тысячи островов...

– Ну, ладно, Пиксель, – сказала птица, наевшись, – я полетела, всего хорошего.

– Прилетай еще, – попросил Мэй.

– Непременно. Принести тебе чего-нибудь?

– Да, спасибо. Только не знаю, чего. Какие-нибудь детали, инструменты. И можно какой-нибудь еды. А то я терпеть не могу рыбу. А фруктами не наешься.

Птица улетела, а Пиксель продолжил жить на острове. В первый момент он хотел срочно построить лодку и отправиться в путешествие по островам. Но потом подумал хорошенько и отказался от этой затеи по трем причинам. Во-первых – лень. Во-вторых, не понятно, куда. И вообще, зачем и кому он там нужен.

Летательный аппарат так и не получился, поэтому он разобрал его и перестроил в велосипед и вентилятор. Птица в следующий свой визит принесла ему немного еды и кучу всякого хлама. Мэй отыскал в ней что-то вроде длинной гирлянды с лампочками, переконструировал вентилятор в ветряной генератор энергии и подключил его к ней. Ночью, когда лопасти пропеллера крутились от свежего ветра, остров озарялся электрическим светом. Генератор он решил закрепить где-нибудь повыше, где для ветра было меньше препятствий.

Пиксель залез на самое высокое дерево и закрепил его там. Он уже собирался слезать, как вдруг подумал, что неплохо было бы построить на дереве смотровую площадку. Он огляделся с высоты и увидел, как в волнах что-то блеснуло. «Лысый ёж! Что бы это могло быть?», подумал он. Затем быстро слез с дерева, нырнул в воду, выловил большой скользкий предмет, отражавший огни острова и вытащил на берег. Это оказалась старинная бутылка из темного стекла, очень странной формы. Он ножом выковырял пробку. Бутылка оказалась пуста. Или не совсем?... Он встряхнул ее. Внутри что-то шуршало. Он перевернул бутылку и из нее выпал лист бумаги, свернутый в трубку. А может быть рулон или свиток... Бумага была толстой, хрустящей и желтоватой. Мэй развернул ее. Одна сторона была чиста, а на другой был какой-то рисунок. Или план?... «Да это же карта!», догадался Мэй.

Это было действительно так. На карте были изображены разные реки, горы и леса, но, к несчастью, ничего не подписано, кроме сторон света: верх, низ, там и здесь. А еще, в одном из горных хребтов, вершина самого высокого пика была отмечена жирным красным крестом.

«Так-так-так, тридцать три лысых дикобраза! И что же это значит?» Мэй сел на склоне холма и глубоко задумался, как вдруг сверху раздался знакомый голос:

– Земля, прием! Пиксель, как слышишь меня? Прошу разрешения на посадку»

- Приземляйся уже, – улыбнулся Мэй. Птица спланировала на траву возле него.
- Здоровки, что делаешь?
- Да вот, нашел какую-то карту, – ответил он.
- Звучит интригующе. Дашь посмотреть?
- Смотри, я все равно ничего не понимаю, – признался Мэй и показал ей свою находку.
- Какая прелестная прелесть! – птица заглянула в карту, с интересом склонив лошадиную голову. – Вещь, конечно, устаревшая, по причине некоторых... хм... потопно-апокалиптических обстоятельств, но ничего, сейчас сориентируемся.
- Это крестиком ты отметил?
- Нет, так и было.
- Ага... Значит это у нас похоже на сломоногие горы. Сейчас его называют риф «Акулий хребет». Тогда, это раньше называлось «Колдун-гора», а сейчас – «Пик-плавник». Получается, крестиком отмечен замок Мага. Ты собираешься туда плыть?
- А стоило бы?
- Если ты э... хочешь исполнить свое заветное желание, то – да.
- Да мне, вроде, и так хорошо...
- Ну, тогда бывай, Пиксель. Хотя, постой, я тебе еще кое-что принесла.

Она положила на траву еще несколько полезных и поломанных вещей и улетела.

Мэй совсем растерялся. Может все-таки, поплыть? Ведь это так таинственно и захватывающе! Вдруг впереди что-то фееричное и легендарное, совершенно невообразимое? Мэй почувствовал, как в нем загорелась маленькая искорка, или звездочка. Та самая, которая вдохновляет всех разумных обитателей Вселенной на путешествие. Эта мысль не давала ему покоя все то время, пока он рассматривал принесенные птицей вещи. Огромный рваный прорезиненный плащ, непонятное вращающееся сито...

Мэй вдруг почувствовал, что кто-то дотронулся до него. Он посмотрел вниз и увидел маленького зверька. Он отчаянно пытался что-то объяснить, показывая то на сито, то на фруктовые деревья. Потом взял один фрукт и, громко жужжа, раздавил его лапами.

– Предлагаешь сделать соковыжималку? – догадался Пиксель. Существо радостно закивало. – Но где мы будем хранить сок? Нужны банки или бутылки.

Он вдруг вспомнил, что как раз пару дней назад к берегу прибило банку из-под «То, что надо». Мэй открыл ее. Внутри оказался клочок бумаги. «Вот это поворот», подумал он. На бумажке было написано мелким, дрожащим почерком: «Здравствуйте, я обращаюсь к вам с просьбой о помощи. Во время шторма меня выбросило на крошечный песчаный остров. Здесь совсем нет еды. А следующий шторм может меня захлестнуть. Если вы нашли эту записку, пожалуйста, спасите меня. Трикки»

Глава 5. Время действовать

Мэй вскочил. Он словно вживую услышал этот крик о помощи, и тот раскаленной иглой впился ему в мозг. Пришло время действовать! Яркое разгоревшаяся путешественная звездочка мгновенно выжгла лень. Теперь было ясно, куда плыть и зачем. Он отчетливо представил маленькое несчастное существо, которое сидит на серой глыбе, затерянной в бесконечном океане. У него или у нее чудом нашелся огрызок карандаша и маленький бумажный обрывок. К Камню прибило волнами банку, он или она написал это послание, эту отчаянную мольбу и бросил на волю волн, надеясь, что кто-нибудь поможет ему.

К счастью, птица принесла ему некоторые инструменты. Он спилил одно из деревьев и стал сколачивать плот. Уже на следующий день он был готов. Пиксель даже сделал на всякий случай два весла, хотя заранее решил, что судно должно быть парусным. Посреди палубы он установил мачту. Теперь оставалось только найти парус. Мэй сделал его из того самого огромного плаща. Он взял с собой карту, записку, запас провизии на неделю и отправился в путь.

– Прощайте, крикнул он своим мелким подданным. Теперь остров ваш! Так что, живите долго и процветайте. Если прилетит птица, скажите ей, что я отправился к рифу Акулий хребет. Пожелайте мне удачи.

Он веслом оттолкнулся от берега. Плащ-парус надулся от свежего ветра. Плот плавно закачался на лазурных волнах. Вскоре, толпа провожающей мелкоты на пляже стала почти неразличимой. А через несколько минут остров скрылся из виду. Мэй сориентировался по сторонам света и взял курс на верхо-там.

Первые четыре дня держалась прекрасная погода. Было жарко и солнечно, и можно было сколько угодно купаться и загорать. Ночи были теплые и лунные, а на рассвете поднимался легкий прохладный туман. На пятый день пошел дождь, горизонт заволокло сырой пеленой. Капли монотонно шуршали по поверхности воды. От этого на гребне каждой волны появлялись тысячи маленьких волнят. Мокро. Уныло. Одиноко.

Пиксель натянул плащ на мачту наподобие тента или зонтика, но тогда плот не двигался с места. Пришлось сделать, как было, и грести веслами для дополнительного ускорения. Солнце зашло, и стало совсем темно. «Надо было взять генератор света, четырежды лысый ёж!», мрачно подумал Пиксель. «Хотя итак тесно. Да и закоротил бы он под дождем.» Поскольку определить направление было невозможно, он положил плот в дрейф, чтобы не сильно сбиться с курса. Затем снова натянул тент, свернулся под ним калачиком, дрожа от холода и сырости, и попытался уснуть. Но словно какая-то противная тяжелая влажная вата навалилась на его душу. «Хорошо бы у меня был друг», вдруг подумал он. «А лучше, старший брат. Да, именно старший! Что ж так темно-то? Что открыты глаза, что закрыты. Все равно темно, как в заднице лысого ежа! Бедняга Трикки, наверное, чувствует сейчас то же самое. Надо обязательно его спасти!»

Глава 6. Неприветливый остров

Рано утром Пиксель увидел впереди туманную полосу берега. Вскоре уже можно было различить грязный каменистый пляж и пыльные густые серовато-зеленые заросли за ним. В метре от берега плот мягко ткнулся в илистое дно. Мэй, ступая по колено в воде, вышел на сушу и пошел к зарослям.

– Руки за голову! – вдруг приказал кто-то. Пиксель изумленно огляделся. – Да, мелкий, я к тебе обращаюсь. Руки за голову, а то будешь мозги свои по всему пляжу собирать.

Пиксель послушно завел руки за голову. Из-за деревьев выскочили трое каких-то хмырей с автоматическими лучеметами.

– Оружие есть? – спросил один из них, по-видимому, самый главный. Он был горбатый и угловатый, как будто был вытесан из дерева, потом прогнул и сломался. Красновато-желтые глазки на длинной кривой морде смотрели с откровенным презрением.

– Конечно, есть, блин! Вон, видите, противотанковый флот и десять подводных лодок, полные лучеметов, – огрызнулся Пиксель. Очень уж его разозлила эта наглая гиеновидная рожа. – А вы случайно не знаете, кто такой Трикки?

– Молчать! – взревел гиеновидный, – вопросы здесь задаю я! – и для убедительности ткнул Пикселя в живот стволом лучемета. – Отвечай на вопрос, пока я тебе кишки не выпустил!

– У меня нет оружия.

– Откуда ты здесь взялся?!

– Я приплыл на плоту.

– Откуда приплыл, свиниот?!

– Ну, с маленького острова, где я раньше жил. У него нет названия.

– Может быть, это шпион, господин Гхрогшр? – подал голос второй хмырь.

– Помолчи ты, дубина! – прикрикнул гиеномордый. – А ты, проклятый соплеed, отвечай!

Этот Трикки, которого ты ищешь, это он или она?

– Не знаю, – честно ответил Мэй.

– Еще не определился? Хм! Ладно, для начала отведем его в штаб, а там разберемся.

– А как же мой плот? – спросил Пиксель.

– А что у тебя там?

– Э-э, еда.

– Это хорошо. Эй, дубины! Возьмите жратву и пошли отсюда!

«Опять я влип в какую-то зубастую задницу!», подумал Пиксель, когда дубины и гиены вели его на свою базу. «И плот мой потопили, лысые ежи! Хорошо хоть не нашли записку и карту. Молодец я, что взял их с собой!»

Его привели на небольшой пустырь, прямо посреди леса. Там располагалось несколько серых приземистых зданий, похожих на вросшие в землю бараки, и бревенчатая хижина. Гхрогшр отпустил дубин, втокнул в хижину Пикселя и сам протиснулся вслед за ним.

– Добрый день, капитан Свиндер, – отрывисто пролаял он, и добавил хрипящим шепотом, обращаясь к Мэю: – Это господин Хрючер Свиндер, наш капитан.

– Капитан? – удивился Пиксель. – У вас что, есть корабль?

– Какой, к лешему, корабль. Вот свиниот, откуда ты такой взялся?

Тем временем капитан, похожий на жирного клыкастого вебря, который все это время нагло жрал что-то из огромной как корыто миски, наконец-то обратил на них внимание. Он рассеянно уставился на Пикселя своими маленькими заплывшими глазками и спросил, почесав копытом за щетинистым ухом:

- Кого это ты притащил, лейтенант?
- Какой-то хмыреньш приплыл на плоту, – доложил Гхрогшр.
- Тебя как звать?
- Мэй.
- Что за девчачье имя!
- Хорошо. Пиксель.
- Издеваешься? Ну да ладно, барсундук с тобой. Пиксель так Пиксель. Честь отдавать ты, похоже, не умеешь?
- Так точно, капитан, не умеет, – ослабившись, закивал лейтенант. – Прикажете расстрелять?
- Пожалуй... нет. Зачем же сразу расстреливать, – решил Хрючер. – Дайте ему форму и лучемет и отведите в казарму.
- Так точно, лейтенант, – уныло ответил Гхрогшр.

Глава 7. Бессмысленная война

Пиксель надел форму, которая оказалась ему сильно велика. С автоматическим луче-
том мог бы управиться даже ребенок, поэтому Пиксель разобрался с ним за пару минут.

– А что теперь делать? – спросил он у одного из своих соседей.

– Отдохни, через три часа операция, – ответили ему.

– Какая еще операция? – удивился Пиксель.

– Военная, какая же еще!

– Понятно. С кем воевать будем?

– Известно с кем, с тошнотами с острова фей.

– А кто это?

– Враги. В приталенных мундирах и со стразами на погонах. Всем бы им кишки выпу-
стить!

– Зачем?

– Хотят средний остров себе захватить, свинюты! Тут же всего три острова: Наш, Сред-
ний и Фей. Фейский – их, Наш – наш, а Средний нам тоже нужен.

– Зачем?

– У нас перенаселение.

– А им зачем?

– Кто их знает! У них свои путараки в голове. Но у нас, как видишь, уже есть здесь база.
И отдавать ее им мы не собираемся.

– А у них есть здесь база?

– Это и нужно выяснить.

Через два с половиной часа их всех построили в шеренгу, потом разбили на отряды
по четверо и объяснили, что надо делать. Оказалось, нужно было найти базу феев, как их здесь
называли, и разведать, что там происходит, где склады оружия и все такое.

Операция началась. Пиксель незаметно отбился от своих напарников, потому что они
ломились напрямик громко, как слонолоси. В одиночку у него было больше шансов остаться
незамеченным. Он крался по лесу тихо, словно хищная хвостгрызка. Громоздкий тяжелый
лучемет болтался у него на поясе. Где-то вдалеке слышались выстрелы. Смолкли. Скоро
он добрался до высокого забора из проволоочной сетки. Пиксель залез на высокое развесистое
дерево, растущее у ограды, и стал смотреть на лагерь феев. Там было серое одноэтажное зда-
ние в форме буквы П, рядом стоял гусеничный мегалучемет, а в стороне приткнулся малень-
кий ядовито-розовый сарайчик. Его охранял один из феев. Пиксель случайно шевельнулся,
ветка под ним хрустнула. Фей поднял голову, огляделся. Пиксель с неприязнью рассмотрел
его большеглазое, неестественно гладкое, словно пластмассовое лицо. Он не заметил Пикселя
и снова уставился вперед. Пиксель достал из кармана записку от Трикки и нарисовал план базы
на обратной стороне. Потом он бесшумно спустился с дерева и направился обратно в лагерь.
Вернувшись туда, Пиксель зашел прямо в дом капитана Свиндера. Капитан опять что-то жрал.

– Здравствуйте, господин капитан, – сказал Пиксель.

– Ты почему не на операции? – угрюмо спросил Хрючер.

– А я уже вернулся.

– А где все остальные? Почему ты не со всеми?

– Вы же сказали, вернуться как можно скорее.

Свиндер недоверчиво усмехнулся. Пиксель протянул ему чертеж. Капитан скопировал
его на большой лист и сказал:

– Отлично, молодец. Пожалуй, ты даже заслужил повышение. Поздравляю, Пиксель,
теперь ты сержант.

– Спасибо, конечно, – задумчиво проговорил Пиксель, – но лучше я больше не буду во всем этом участвовать.

– Что! Это еще почему!? – возмутился капитан.

– Потому что ваша война бессмысленна, – спокойно ответил Пиксель. Клыкастая морда Свиндера побагровела. Он просто задохнулся от возмущения. Пиксель пояснил:

– Через какое-то время феи неизбежно вымрут или оставят свои фейские штучки и объединятся с вами. Лучше прямо сейчас договоритесь с ними, постройте большой корабль и плывите открывать новые острова.

– Ты не знаешь, о чем говоришь! – заорал Свиндер. – Свиниот! Жалкий, безмозглый соплеед! Завтра я еду на Наш остров, проверить, как там дела, и ты едешь со мной!

Наутро капитан Свиндер, взяв с собой Пиксель и пару дубин и оставив на базе за главного лейтенанта Гхрогшра, отправился на остров Наш. Они добрались до здесьского берега Среднего острова и переплыли на лодке через узкий Нашско-средний пролив. Остров был небольшой. И почти весь его занимало огромное непонятное сооружение, похожее на гигантский улей или муравейник.

– Что это? – спросил Пиксель.

– Это Наш город, – мрачно ответил Свиндер.

– Но в городе должны быть промежутки между домами. Улицы... площади...

– Были и промежутки. Пришлось застроить. И все равно, жилой площади не хватает.

Они зашли в город. Там висела тяжелая атмосфера тесноты и подавленности. Они шли по бесконечным узким коридорам, в которые выходило огромное количество дверей. Пиксель повернул ручку одной из них, она была не заперта. Он заглянул в комнату. Там стоял оглушительный стук, стрекотали одновременно несколько десятков швейных машинок. За ними сидели несколько десятков бледных худых женщин и быстро строчили что-то из камуфляжной ткани.

– Здравствуйте, – сказал Пиксель. Некоторые из них мельком взглянули на него, другие не обратили внимания. И так было везде. Какие-то усталые напуганные женщины, дети и старики торопливо делали однообразную работу в душных полутемных комнатах.

Затем они пришли на завод. Он, как и все остальные дома был встроен в железобетонный термитник города. Там грязь и мусор перерабатывались в синтетическую ткань, пластик и другие искусственные материалы. От завода на десятки метро вокруг разносился нестерпимый лязг железа и вонь горело резины.

Последним пунктом экскурсии была «ферма». Все четверо спустились в обширное темное затхлое подземелье. Там росли целые поля больших синеватых грибов, а в тесных загонах паслись уродливые пучеглазые существа, кроторовы.

Город оставил у Пикселя гнетущее впечатление, там царили бессмысленность и безысходность. Но он так и не понял, почему они ведут бессмысленную войну вместо того, чтобы помириться с феями хотя бы на время и просто построить корабли.

Глава 8. Старший брат

Сержант Пиксель командовал отрядом из четырех дубин. Однажды на берегу подобрали еще одного новобранца. Его отдали под командование Пикселя. Он взялся неизвестно откуда: приплыл на утлой надувной лодке. Он был под два метра ростом и напоминал атлетичную панду. Обычно над новенькими подшучивали, и иногда даже довольно жестоко. Но к нему никто не лез. Видимо, потому, что немного побаивались. «Он любого из этих дубин мог бы легко превратить в щепки», с завистью подумал Пиксель, «но вряд ли бы он это сделал».

Действительно, несмотря на свою огромную силу, а он легко мог гнуть пальцами гвозди и монеты, незнакомец совсем не был злым. Наоборот, он всегда улыбался широченной белозубой улыбкой, очень доброй и приветливой, но немного дурацкой. Возможно, именно из-за этой улыбки некоторые считали, что он полный свиниот. Когда его о чем-нибудь спрашивали, он кивал, мотал головой или иногда отвечал односложно. Видимо, очень плохо знал язык. Пикселю было жаль его. Он был неплохим парнем, но с ним совсем никто не дружил. Он был чужим на острове.

Однажды ночью они вдвоем стояли на дежурстве возле лучемерного склада.

– Вот и всё, – вдруг сказал новенький.

– Что – всё? – удивился Пиксель.

– Грамматические конструкции понял, словарный запас – достаточный. Выучил язык.

– М-молодец... поздравляю, – растерянно ответил Пиксель.

– Меня зовут Зогг, а тебя?

– А меня Пиксель. Хотя я на самом деле Мэй.

– Ты не поможешь мне отсюда уплыть?

– Нет, к сожалению. Я бы и сам с радостью слинял отсюда, потому что у меня есть дела по-важнее. Но, похоже, у этих лысых ежей совсем нет нормальных лодок.

– Дела? – заинтересовался Зогг. – А куда ты направляешься?

Пиксель рассказал ему про Мага и даже показал карту.

– И ты в это веришь? – разочарованно спросил Зогг.

– Конечно, это же Маг, а не просто какой-нибудь вшивый шаман. У него настоящее волшебство, с научным подходом. А не всякие шарлатанские фокусы. Но основная цель у меня другая. Мне нужно спасти Трикки, – он шурша достал из кармана скомканную записку.

– А кто это?

– Без понятия.

– Благородно, – оценил Зогг.

Пиксель гордо засунул руки в карманы. А Зогг как бы между прочим добавил:

– А я вот из космоса прилетел.

– Вот это крутотень! – воскликнул Пиксель. Зогг сообщил это так открыто и просто, что он и не подумал сомневаться в правдивости его слов. – А что ты там делал?

– Летел. С одной планеты на другую.

– Ого! А зачем?

– Да так, по работе надо было, – пожал плечами Зогг.

– А-а. А на чем летел?

– На космическом корабле. Знаешь, таком закрытом, как подводная лодка. Потому что в космосе воздуха нет.

– Ну да, ну да! А еще адски холодно и радиация.

– Правильно, – улыбнулся Зогг и тяжелой лапой взъерошил ему волосы на затылке. Пиксель был в полном восторге. Подумать только, теперь у него есть друг – инопланетянин.

– Так зачем ты к нам прилетел? – снова спросил он.

– Да не к вам я летел! – в отчаянии воскликнул Зогг. – А совершенно в другое место. Просто, когда я пролетал через вашу систему, корабль словно взбесился. Генератор отказал, навигатор закозлил, все настройки полетели и курс сбился... Видимо очень сильная турбулентность солнечного ветра, звездная буря... Вот я и приземлился на первую попавшуюся планету. И как назло попал прямо в зыбучие пески. С амортизатором тоже какая-то чешуйня случилась: пол корабля врылось в песок. Хотел было помощь вызвать, а тут этот ваш всемирный потоп. Ну и всё! Вся пустыня в кашу, корабль завяз и утонул, а сам я еле доплыл до какого-то островка. С тех пор скитаюсь, ищу разумную жизнь, братьев по разуму, так сказать.

– Хочешь, я буду твоим младшим братом по разуму? – тихо предложил Пиксель.

– Давай, – согласился Зогг.

Глава 9. Операция №2

В то утро все словно сошли с ума. С безумными глазами носились по лагерю, готовясь к очередной операции. Гхрогшр хрипло орал на всех подряд, пытаясь объяснить запутанный план, и Пиксель понял только то, что нужно бегать и стрелять, пока не захватишь базу фейев. Пленных не брать. Трое дубин залезли в гусеничный МЛМ, а остальные рассредоточились по острову. Пиксель услышал, как МЛМ с треском ломится по лесу. Навстречу ему продирался другой. Затем донеслось жутковатое чавканье лучевых выстрелов, потрескивание пламени, и тут весь лес заволочло дымом. Что-то где-то взорвалось, какой-то фей выскочил из кустов в двух шагах от него. Пиксель всадил в него синюю молнию из лучемета. Тот издал страшный хриплый визг, упал и мешком скатился в овраг. Но Пиксель этого уже не видел. Он просто бежал сквозь горящий лес, оглушенный, почти ничего не видящий. Он ничего не соображал, все вокруг взбесилось, завертелось как в кошмарном сне. Смерть подстерегала его на каждом шагу. Феи с перекошенными пластмассовыми лицами целились в него, но не успевали выстрелить, потому что он мгновенно прожигал их очередями синих молний. Дым, наполнивший лес, густел, приобретая запах горелой плоти. Пиксель бежал, спотыкался, падал и снова бежал сломя голову, подгоняемый паническим ужасом. Снова и снова вскидывал лучемет на плечо и стрелял, стрелял, стрелял... Внезапно чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо, лучемет рванули из рук.

– Прекрати! – приказал голос. Пиксель стал бешено выдираться, одновременно пытаясь вернуть оружие. Железная лапа подняла его над землей и с силой встряхнула. – Очнись, Пик, это я!

Он поднял искаженное страхом лицо с мучительно оскаленным ртом, красными, слезящимися от дыма глазами и увидел Зогга. Он был огромный и невозмутимый как скала. Пиксель сразу обмяк. Восхищение и благоговение разлились по его лицу. Он нашел его! Добрый и непобедимый пришелец, его старший брат. И теперь все будет хорошо...

– Соберись, Пик, бежим, – сказал Зогг и для ясности дал ему пощечину. Пиксель очнулся от счастливого ступора и бросился вслед за Зоггом. Он был готов следовать за ним куда угодно, выполнить любое его приказание.

Они пару минут продирались через чащу.

– Быстрее, туда! – скомандовал Зогг, указав стволом лучемета на полуразрушенное каменное строение. Пик как ящерица юркнул в темную щель между каменных глыб. Зогг протиснулся за ним.

– Что теперь делать? Они найдут нас! – Пиксель вцепился в рукав Зогга и испуганно заглянул ему в глаза.

– Тсс! – шикнул Зогг. Пиксель послушно замолчал. Несколько секунд они напряженно прислушивались. И тут случилось то, чего он боялся больше всего. Снаружи послышался высокий насмешливый голос:

– Эй, громила! Вылезай, погавный трош, мы знаем, что ты там!

– Сиди здесь, жди. Они видели только меня, – шепнул Зогг и вылез из щели.

– Эта штучка тебе не поможет, медвежонок, – сказал фей. – Ты из своих тут последний остался! Давай-ка без шуток. Лучеметик останется здесь, а ты пойдешь с нами.

Послышался глухой стук лучемета, упавшего на землю. «Он сдался? Сколько же их там!», с ужасом подумал Пиксель. «Хотя, это же Зогг! У него наверняка есть какой-то план!». И он стал ждать.

Чем дольше он ждал, тем больше беспокоился. Мало ли что взбредет в голову этим феям? Он не мог обуздать свое воображение, а оно рисовало страшные картины. Вот он сидит здесь, а они тем временем окружили его безоружного друга. Их много, десятки, нет, сотни!

На их покрашенных пластмассовых лицах отвратительные ухмылки. Они неторопливо прицеливаются в него, и никто его не спасет. А может, уже поздно спасать? Сверкнули и чавкнули выстрелы. Сотни синих лучей слились в одну ослепительную вспышку, и от Зогга осталась только горстка пепла. Теперь у Пикселя больше нет друга!

– Нет! – не своим голосом вскрикнул он, вскочил, ударившись головой об низкий потолок, ободравшись, выскочил наружу и побежал. Так быстро он не бегал никогда в жизни. Его подгонял страх за друга. Он боялся, что уже опоздал.

Пиксель на адреналине перескочил через трехметровый забор и оказался на базе феев. Каким-то шестым чувством он узнал, что его друга держат в розовом сарайчике. Пик застрелил часовых и ворвался внутрь. Там было пусто. Он заметался из стороны в сторону как загнанный зверь, споткнулся о железную скобу. Это оказалась ручка люка. Пиксель рывков распахнул люк. За ним оказалась винтовая лестница. Снизу доносились приглушенные голоса. Он попытался быстро спуститься, споткнулся и с оглушительным грохотом, кувыркаясь, покатился вниз.

Прикатившись, Пиксель вскочил на ноги и направил лучемет в центр комнаты. Там стоял совершенно невредимый Зогг и пятеро феев.

Глава 10. Бегство

– Да я же вам говорю, наша цивилизация через это прошла. Вы все погибнете, если не прекратите эту войну. Хорошо, допустим, вы не верите мне, что я пришелец из космоса. Но тогда просто обратитесь к логике, к здравому смыслу. У вас перенаселение? Ищите новые территории. Вам не хватает ресурсов, чтобы построить корабли? Объединитесь с нашцами, это же очевидно!

– Возможно, в твоих словах есть доля смысла... – задумчиво проговорил фей.

– Ни с места, свиниоты, всем на пол, пока я вас не поджарил как лысых ежей! – хрипло прокричал кто-то.

Феи бросились на пол, закрывая голову руками. Зогг обернулся к двери. Он увидел Пикселя. Тот стоял у двери и целился в феев из лучемета, его руки дрожали, отчего ствол лучемета гулял в воздухе. Его лицо было перекошено странной звериной яростью. Он ошалело обводил комнату безумным блуждающим взглядом. Весь он был взъерошен и ободран. Наконец он остановил взгляд на Зогге и предано улыбнулся.

– Свиниот! – не сдержавшись, заорал Зогг. – Я же сказал тебе сидеть там и ждать меня!

– Я просто хотел тебя спасти, – растерялся Пик.

– А я просто пытался помирить два враждующих народа. И у меня это могло получиться, если бы ты все не испортил.

– Извини, продолжай.

– Вы согласны продолжить переговоры? – спросил Зогг у одного из феев.

– Погавный трош! – злобно прошипел тот.

– Ну вот! – сокрушенно вскрикнул Зогг. – Теперь они мне больше не доверяют.

– Тогда уходим отсюда, пока сюда весь лагерь не сбежался! – испугался Пиксель.

– А что еще делать? – Зогг дал Пикселю увесистый подзатыльник и бросился вверх по винтовой лестнице.

Весь штаб действительно уже сбежался. Зогг легко, как котят, расшвырял феев в стороны, выхватил лучемет из рук мертвого часового и побежал через лес в сторону моря. Пик едва поспевал за ним. Сзади доносился шум погони.

– Может пристрелим их? – задыхаясь спросил Пиксель.

– Заткнись! – рявкнул Зогг. Они пару минут бежали молча. Феи открыли огонь. Одна из синих молний вспыхнула совсем близко. Пик шепотом упомянул несметное количество лысых ежей: выстрел задел его. Тогда Зогг резко развернулся и, не целясь, выпустил в преследователей очередь из лучемета. Лес огласился их жуткими хрипящими воплями. Пиксель и Зогг выбежали из горящего леса на темный каменный мыс. Пик потерял ориентацию, но Зогг к счастью отлично видел в темноте. Вдруг Пиксель почувствовал, что впереди пустота. Они оказались на краю отвесного обрыва. Далеко внизу море с ревом перекачивало угрюмые черные валы. Со стороны леса приближались феи. Они были уверены, что на это раз «погавным трошам» не удастся ускользнуть.

– Прыгаем! – отрывисто сказал Зогг.

– Что? Ты свихнулся? Там же метров де...

Зогг молча столкнул его вниз, затем прыгнул следом. Несколько секунд полет в непроглядной тьме, сильный удар об воду, оглушительный плеск. Пиксель с головой погрузился в холодный жидкий мрак. Инстинктивный ужас прошел по телу как разряд тока. Он забарахтался, вынырнул. Кругом, извиваясь как бешеные светящиеся змеи, кипятили воду синие лучи. Это разъяренные феи наугад палили по воде. Пришлось снова нырнуть как можно глубже. Потом долго-долго плыть прочь от берега. И так несколько раз.

Когда наконец Пиксель окончательно вынырнул, остров был далеко позади. На небе воз-
шли обе луны, оставляя на волнах кровавые красные и мятно-зеленые блики.

– Зогг! – испуганно позвал Пиксель.

– Я здесь, – донесся голос из темноты.

– Что же нам теперь делать?

– Понятия не име... Это еще что за чешуйня?

– Где? – Пик повертел головой и увидел черное как ночь, невообразимо огромное суще-
ство. Оно шло по колено в воде, а глубина в том месте, где они плыли, была метров десять,
и пускало кораблики. Карманы его гигантского балахона были полны тьмы и огромных листов
толстой как фанера бумаги. Оно доставало эти листы, ловко складывало из них кораблики раз-
мером с настоящие лодки и осторожно спускало их на воду. Пиксель однажды слышал легенду
об этом чудовище. Это был Барсундук. По легенде он был не злой. Пик решительно полез
в один из корабликов. Барсундук повернул огромную черную морду с синими фосфоризиру-
ющими глазами и едва заметно кивнул. Пик взобрался в кораблик. Следом залез Зогг.

– Кажется, мы спаслись, – улыбнулся Пик.

Зогг посмотрел на это маленькое глупое существо, которое радовалось без всякой при-
чины, и разозлился.

– Да, супер! Два народа истребляют друг друга как две своры собак! Но с нами-то все
в порядке! Как можно так жить! Все жители этой проклятой планетки просто аномально эго-
истичны и жестоки!

– Даже я? – испугался Пик.

– Нет, ты, блин, конечно, белый и пушистый!

Пиксель был в отчаянии. Он оказался недостойн дружбы с отважным благородным при-
шельцем.

– Извини! Ну, пожалуйста! Я исправлюсь! Обещаю, я постараюсь стать лучше! – сбив-
чиво забормотал он, робко стараясь заглянуть Зоггу в глаза.

– Да уж, конечно, не подлизывайся. И прекрати уже смотреть на меня этим собачьим
взглядом.

– Что?! Ах так! – Пиксель так и не придумал, что сказать, и отвернулся. Он сел спиной
к Зоггу, нахохлился, обхватил руками колени, втянул голову в плечи, отчего стал казаться
совсем маленьким. Его острые треугольные уши обиженно торчали на макушке.

– Ага, сначала все запарол, а теперь набычился, окрылся, – подумал Зогг. – А сам я
что? То же мне, покоритель космических пространств. Свиниот! Ничем не лучше. Взял, наорал
на него. А ведь он, похоже, действительно поверил, что я его старший брат.

Вдруг у него над головой пронесся глубочайший вздох, похожий на порыв ветра. Зогг
посмотрел вверх. Барсундук смотрел прямо на него и складывал очередной кораблик, грустно
качая огромной головой.

Глава 11. Странствия продолжаются

Его разбудил шум воды и голос Зогга:

– Эй, Пик, прием! Ты спишь уже шесть часов!

– Что за бред ты несешь? Какая еще шерсть часов? – сонно проворчал Пиксель.

– Мне просто достаточно четырех-пяти часов сна в сутки, – пояснил Зогг.

Пиксель протер глаза и огляделся. Море вокруг заполнили десятки разноцветных корабликов. Вдалеке маячила громадная черная фигура Барсундука. Зогг плыл за бортом, держась за корму лодки. Он с шумом болтал ногами, рассыпая фонтаны брызг, и старался таким образом вытолкнуть кораблик на открытую воду.

– А я могу спать сутками. Однажды в пустыне впал в спячку на две недели. – Пик зевнул. – Ну, и куда плывем?

– Обратно к острову, – решительно заявил Зогг.

– Нет уж, девятьсот девяносто девять лысых ежей! Лично я плыву спасать Трикки!

– Как хочешь, тогда я плыву один. – Зогг отпустил их лодку и направился к другой.

– Скатертью дорога! Феи тебя расстреляют как врага, а нащцы, если они еще остались, как дезертира.

– Ну и что ты предлагаешь? Нельзя же все так оставить?

– Нельзя. Поэтому надо быстрее плыть к магу. Я пожелаю, чтобы он спас Трикки, а ты попросишь, чтобы он помирил всех свиниотов и лысых ежей, за которых ты так переживаешь.

– Как ты не понимаешь! Они не могут просто взять и помириться. Нужно устранить причину вражды: перенаселение, голод и все такое...

– Тогда загадай, чтобы лишняя вода ушла. Это кстати поможет тебе найти твой корабль. Слушай, Зогг, а вдруг у мага общее желание на группу? Мне ведь оно тоже подходит! Если вода уйдет, то Трикки будет не от чего спасать.

– Действительно, – обрадовался Зогг. – Пик, ты гений! Тогда поплыли к Магу. – Он стал разворачивать кораблик.

– Ты что, всю дорогу собираешься так грести? – засмеялся Пиксель.

– А как иначе? У нас ведь ни паруса, ни весел?

– Что бы ты без меня делал, – вздохнул Пик, – залезай, давай!

Зогг залез в кораблик. Пик выловил какую-то палку и воткнул в бумажную палубу. Затем с трудом достал лист гигантской бумаги, оставшейся от лодочки, сломанной ветром, и прикрепил в качестве паруса.

– Неплохо, – оценил Зогг. Дашь взглянуть на карту?

Пик дал ему карту, и Зогг стал внимательно рассматривать ее.

– Так, – пробормотал он задумчиво, – значит тут север, здесь юг, солнце у вас встает на западе... Получается, плывем на северо-восток?

– Да, на верхо-там, – подтвердил Пиксель. Поднялся ветер, бумажный кораблик понесся вперед, подпрыгивая на волнах. Впереди ждали новые острова.

Они плыли два дня. Зогг, похоже, мог неделями жить без еды, а вот Пиксель изрядно проголодался. Поэтому, представьте себе, как он был рад, когда на горизонте вновь появилась земля. Чем ближе они подплывали к берегу, тем более странным он казался.

– Странный остров, правда? – спросил Пик.

– А это вообще не остров, – ответил Зогг, – просто очень много скрепленных вместе плотов. Пик пригляделся. В вечерних сумерках действительно проступило большое скопление плотов. Они были густо населены. Какие-то существа переходили с одного плота на другой, разговаривали, смеялись, готовили ужин...

– Причалим? – с надеждой спросил Пиксель.

– Давай, – согласился Зогг.

Они спустили парус и пришвартовались к одному из плотов. Пик хотел сойти с кораблика на плот и провалился в воду, потому что не заметил щель в темноте.

– Задница зубастая! – выругался он. – Хоть бы свет включили!

– Мы бы включили, но на нашем плоту нет генератора, – ответил кто-то из темноты, видимо владелец плота.

– Какого генератора? – спросил Пик.

– Светового.

– Тогда, разведите костер, – посоветовал Зогг.

– Из чего? – усмехнулись в ответ.

– Ну не знаю, оторвите доску от плота.

– Если от каждого плота каждый вечер отрывать по доске, то когда-нибудь от нашего острова ничего не останется.

– Да-а. Как же вы так живете? – сочувственно спросил Зогг. Пиксель понял, что в нем снова проснулось это странное инопланетное желание всем помогать.

– Нормально живем, – заявили в ответ. – Дрейфуем потихоньку, питаемся морепродуктами, ищем достаточно просторный остров. Если попадаются деревяшки, строим новые плоты.

«Странный какой-то, говорит о себе во множественном числе» – подумал Пик. Есть хотелось все больше. Они попросили владельца маленького плота посмотреть, чтобы их кораблик не уплыл и стали пробираться к центру острова. Нужно было внимательно смотреть под ноги, чтобы не провалиться в щели, зияющие между покачивающимися плавучими платформами. На некоторых плотях были установлены маленькие световые генераторы. Это были странные аппараты с лампочкой и ручкой как у шарманки. Чем ближе к центру острова, тем чаще они встречались. Становилось светлее и многолюднее. Жители плотового острова стекались к свету как мотыльки. Поэтому обладатели генераторов пользовались особым престижем, и у них всегда была целая толпа друзей.

Наконец, Зогг остановился. Он что-то сказал Пикселю, но тот не расслышал. Он учуял запах еды и теперь озирался по сторонам, стараясь понять, откуда он идет. Вскоре он увидел, на соседнем плоту кто-то готовил суши, потому что жарить или варить рыбу было не на чем. А Зогг тем временем увидел кое-что другое.

Глава 12. Пожар в океане

В центре острова установили какую-то вышку с маленькой площадкой наверху. Рядом с ней поставили огромный световой генератор. Какой-то здоровенный хмырь, почти такой же здоровенный как Зогг, стал крутить ручку генератора. И вышка, которая, оказывается, служила сценой, озарилась ярким золотистым светом. Какой-то громкий голос вдруг объявил:

– Вечернее шоу плотового острова начинается! Наш сегодняшний концерт открывает обаятельная и неотразимая Лори-Ойли. Встречайте!

На сцену поднялась девушка. Она завела за ухо локон густых черных волос с фиолетово-вишневым отливом, вильнула длинным пушистым хвостом и запела. Казалось, весь остров взревел от восторга. Аплодисменты даже заглушили на секунду ее пение. А она, как ни в чем не бывало, пела, дерзко глядя веселыми карими глазами и ослепительно улыбаясь.

– А она классная, ты не находишь? – спросил Зогг у Пикселя, не отрывая от Лори-Ойли восторженного взгляда.

– Да, очень аппетитная, – ответил Пик. Он уже протянул руку, чтобы незаметно стащить кусочек какой-то фиолетовой рыбы, но тут Зогг со словами «Ну-ка, пойдём!», схватил его за локоть и решительно потащил за собой сквозь толпу. Пальцы Пика хищно схватили пустоту. Он издал обиженный голодный мям и назвал какое-то баснословное количество лысых ежей. Но Зогг ничего не слышал. Несколько минут он молча тащил Пика сквозь толпу танцующих островитян. Самое возмутительное было то, что Пиксель так и не понял, что этот чокнутый пришелец там углядел. Правда, в какой-то момент мимо них протиснулся некий лысый еж с подносом, уставленным закусками. Пик набил полный рот еды и немного успокоился.

Зогг приволок его к подножию какой-то деревянной вышки, остановился возле большого генератора. Смотрит куда-то. Гремит музыка.

– Да что случилось-то? – рассердился Пик. Зогг молча показал наверх. Пиксель проследил, куда он указывал, но все равно ничего не сообразил. «Девушка» – думал он, «поет песню...» Его нехитрые размышления прервал странный шум. В толпе началось движение, давка. И тут случилось что-то совсем непонятное. Несколько агрессивно настроенных островитян бросились к большому световому генератору, попытались поднять его и куда-то утащить. Рослый парень, который крутил ручку, попытался не дать им этого сделать. При этом ему, разумеется, пришлось отпустить ручку, и центр острова резко погрузился во тьму. Кто-то бросился на помощь ему, кое-кто наоборот встал на сторону банды. А нашлись и такие, кто захотел под шумок стащить генератор себе. В итоге Пиксель и Зогг оказались в центре отчаянной быстро разрастающейся драки. Большой генератор сломался, и все стали за это друг другу мстить. Кто-то швырнул кого-то об одну из опор вышки, она покачнулась и упала вместе с прекрасной Лори-Ойли, которая успела спуститься только до половины. Но Зогг и Пиксель этого уже не видели. Да и вообще никто ничего не видел, потому что все те, у кого еще были генераторы света, спрятали их от греха подальше.

И вдруг какой-то псих крикнул: «Да будет свет!» и с безумным хихиканьем поджег один из плотов. На мгновение все замерли. Десятки испуганных лиц обернулись к огню. На них запрыгали отблески пламени. Во внезапно наступившей тишине раздалось глупое хихиканье психа, и уютный теплый треск костра.

Огонь быстро распространялся, перекидываясь на соседние плоты. И снова все пришло в движение. На этот раз все опрометью бросились прочь от света. Островитяне принялись откреплять крайние плоты и отгребать как можно дальше. Опять возникла ужасная давка. Все что-то кричали, дрались, кто-то упал в воду...

Искать кораблик не было времени. Пиксель и Зогг принялись торопливо отвязывать первый попавшийся плот. Пожар приближался. Сгореть или утонуть? А может быть и то и другое? Есть из чего выбрать!

В конце концов, Пикселю удалось развязать скользкий узел из мокрых канатов. Зогг шестом оттолкнул плот. Вдруг кто-то очень мокрый полез из воды к ним на плот, лихорадочно цепляясь когтями за мокрые доски. Это была Лори-Ойли. Зогг помог ей выбраться. Она вздрагивала, шумно вздыхала, пытаясь отдышаться.

– Надо спасать остальных! – воскликнул Зогг.

– Ни в коем случае! – закричала она. – Этот плот рассчитан на троих! Уплывем вдвоем или тоже утонем!

Зогг в отчаянии стиснул зубы. Она была права. Плотик и так еле выдерживал их вес.

– Что за ужасная планета! Никогда раньше не был на такой ужасно... – сокрушенно бормотал он, не переставая грести. Пик оглянулся. Позади тлел пожар. В принципе, ничего страшного не случилось, большинство плотов уцелело. Но, наверное, их жители не скоро станут доверять друг другу настолько, чтобы построить новый остров.

Глава 13. Утопия

Они плыли по звездам, держа курс на созвездие Большой Хвостогрызки. Пиксель устало свернулся на корме, Лори-Ойли заплетала свои шикарные волосы в тугую косу, а Зогг упрямо греб кривыми бамбуковыми веслами.

– Не расстраивайся из-за них, – вздохнула Лори-Ойли, – такое ни раз уже бывало. Они пообижаются друг на друга пару дней, а потом снова скрепят плоты как ни в чем не бывало. Кстати, вы планируете меня возвращать?

– Нет, там слишком опасно, – отрезал Зогг.

– Ой ли? – с сомнением усмехнулась она. – Конечно, гораздо надежнее плыть в открытом океане с незнакомцами. Я ведь даже не знаю, кто вы?

– Я Зогг, – представился Зогг.

– А это Пиксель, мой... – он замялся, – младший друг.

– Понятненько. А я Лори-Ойли. Но можно просто Лори. Или Ойли.

– Приятно познакомиться, – сказал Зогг. И было видно, что это действительно так.

– Мне тоже, – без всякого энтузиазма подал голос Пик. Он втайне надеялся, что девушку зовут Трикки. И, узнав, что это не так, потерял к ней всякий интерес.

Когда Пиксель проснулся, солнце было уже высоко. Зогг и Ойли сидели, свесив ноги в теплую бирюзовую воду, и оживленно болтали. Зогг рассказывал ей что-то про космос и другие планеты. Она слушала его, с восхищением развесив уши. Похоже, Зогг ей понравился. Да и кому может не понравиться Зогг? Он же космический путешественник, почти что супер герой. А Зогг был без ума от Лори Ойли, потому что она и вправду оказалась – как там ее представили? – обаятельная и неотразимая. Впрочем, два сапога – пара!

Пик поздоровался. Они его благополучно проигнорировали. Тогда Пиксель презрительно пожал острыми плечами, взял весла и стал грести, потому что «это все (тысяча лысых ежей!) конечно же очень мило, но некоторым надо спешить. Так как кое-кто, возможно, в это самое время умирает от голода!». Увидев, что он опять надулсЯ, Зогг воскликнул с шуточным отчаянием:

– Ты что, опять обиделся что ли?! Да что же мне с тобой делать, горе мое! Решено, – смеясь пророкотал он, – всех обиженных за борт!

Пик почувствовал, как огромные лапы Зогга подняли его в воздух, все закружилось перед глазами, резко опрокинулось вверх ногами... Почти вплотную надвинулось море.

– Отпусти меня, лысый еж! Путарак несчастный! Отпусти сейчас же! – закричал Пиксель, смеясь и извиваясь, но все еще пытаюсь сохранить обиженный вид.

– Как скажешь, – со смехом согласился Зогг и разжал лапы.

Пик упал в воду. Он это предвидел, поэтому успел задержать дыхание и нырнул, быстро ввинчиваясь в воду. Он нырнул так глубоко, что его не было видно сверху.

– Ой, а он случайно не утонул? – испугалась Лори.

Но тут Пик с шумом вынырнул у другого борта, прямо у нее за спиной. Ойли взвизгнула и засмеялась. Зогг протянул ему руку, собираясь помочь взобраться на плот. Пиксель изо всех сил дернул его за руку. Огромный пришелец потерял равновесие и тоже рухнул в воду. Плот чуть не перевернулся. Ойли сняла шорты, оставшись в одном купальнике, и нырнула к ним. Они плавали и ныряли, а потом наперегонки поплыли догонять плот, который успел уплыть так далеко, что едва виднелся на горизонте. Когда они наконец догнали плот, Зогг руками поймал какую-то рыбу и они поужинали. Затем Зогг сел на весла, а Пиксель и Ойли устало растянулись на палубе. Он показал Ойли карту и записку и рассказал, куда и зачем они плывут.

– Значит, это ты затеял всю эту экспедицию? – удивилась девушка.

– Да, я, – не без гордости ответил он. – Я вообще такой креативный. Не знаю, почему ты меня воспринимаешь как бонус к Зоггу. Так ты поплывешь с нами к Магу? У тебя ведь наверняка есть какое-нибудь желание?

– Да, пожалуй, я с вами, – задумчиво проговорила Ойли. – Знаешь, на плотовом острове я была знаменитостью... Но он такой маленький. Особенно не повыступаешь. Меньше ста жителей, и всех я знаю в лицо. Я с детства мечтала стать настоящей звездой. Может быть этот ваш Маг сможет как-нибудь исполнить эту мечту?

– Наверное, – пожал плечами Пик, – говорят, он все может.

Впереди показался остров. На этот раз – настоящий. Большой, с холмами, лесами и реками. Красивую круглую бухту окружал большой портовый город. Там были каменные волнорезы, причалы и пляж. Дальше, на пологих склонах холма амфитеатром располагались трех-четырёх этажные дома из белого песчаника, разделенные широкими прямыми улицами.

– Вот это я понимаю, – обрадовался Зогг. Они пристали к одному из причалов и вышли на набережную. В городе было шумно и весело. Везде что-то строилось. Путешественников встретили как старых друзей. Накормили. Дали новую одежду, поселили в гостиницу.

Вечером друзья вышли на балкон. Апельсиново-вишневое солнце медленно тонуло на востоке, подсвечивая облака малиново-алыми лучами и превращая море на горизонте в золотую фольгу. Город осветился разноцветными огнями, где-то заиграла музыка.

– Давайте погуляем! – предложила Ойли. И они пошли на экскурсию по городу. Там не было никакой особой роскоши. Видно было, что он отстроен совсем недавно, уже после потопа. На главной улице они влились в какую-то оживленную толпу. Там проходил какой-то фестиваль. Друзья вернулись в гостиницу после полуночи и сразу легли спать.

Пик проснулся от того, что солнце било ему прямо в глаза. Он чихнул, протер глаза и окинул комнату взглядом. Зогг читал на балконе, а Ойли жарила яичницу с беконом. Заметив, что Пиксель проснулся, она воскликнула:

– Как же здесь здорово! Давайте останемся в этом городе!

– А что, – восторженно Зогг, – неплохая идея! Они тут вроде бы продвинутые. Может быть, я раздобуду детали, чтобы собрать космофон и связаться со своей планетой. А еще здесь смогут оценить талант Лори-Ойли. Она станет настоящей звездой. Что думаешь, Пик?

– Да, действительно, – согласился Пиксель. – Эти островитяне просто молодцы. Здесь очень хорошо. Этот остров просто создан для вас. А я, пожалуй, пойду. Удачи, друзья!

– Пока, – не уверенно ответила Ойли.

– Тебе тоже удачи, – добавил Зогг.

Пиксель грустно улыбнулся, вышел из номера и закрыл за собой дверь. Он был действительно рад, что его друзья теперь счастливы, что они в безопасности. Он полагал, что идеальные люди достойны жить на идеальном острове. Пиксель бы с удовольствием остался с ними, но ведь где-то кому-то была нужна его помощь, и он не мог бросить его в беде.

Зогг и Ойли вышли на балкон и смотрели, как его маленькая фигурка уходит все дальше и дальше, становится все меньше и меньше, приближаясь к бесконечному сверкающему морю.

Глава 14. Четверо

– ... и на этом утлом плотике ты собираешься плыть в открытое море? – спросил кто-то у него за спиной.

– Да, а что? – удивился Пиксель.

– Могу предложить лодку.

– И вам не жалко? – Пик обернулся.

– Нет, я слышал, ты плывешь кого-то спасать. На такое дело не жалко целого флота.

– Спасибо, – пробормотал Пик. Он не уставал поражаться благородству и щедрости жителей этого острова. Островитянин подарил ему красивую просторную лодку с веслами и парусом. А потом набежали другие и дали запас провизии. Пик поблагодарил их, попрощался. Они ушли, берег опустел. Пиксель залез в лодку и уже собирался отчаливать, как вдруг...

– Куда это ты собрался, Пик, – услышал он голос Зогга.

– Подожди нас! – крикнула Ойли.

– Как же так, – изумился Пик, – я думал, вы решили остаться?

– Как же мы останемся? Мы же твои друзья. Друзей не бросают!

На глаза Пикселя навернулись счастливые слезы, но он тут же прогнал их, напустил на себя шутливый вид и сказал:

– Ну, ладно. Только, если что, вы сами напросились.

Зогг усмехнулся, залез в лодку, помог взобраться Ойли и взъерошил Пикселю волосы. Ойли попыталась сделать тоже самое, но Пик ловко увернулся. Они подняли паруса. Ветер был сильный, поэтому лодка быстро устремилась вперед, острым носом рассекая изумрудные волны. Навстречу новым приключениям. А призрачные очертания прекрасного города быстро таяли позади них... словно мираж.

Друзья плыли около трех дней. Было очень жарко, поэтому двое купались, а кто-то один дежурил в лодке, чтобы она не уплыла слишком далеко. Зогг сидел в лодке и дремал, изнывая от жары. Вдруг что-то плеснуло в волнах и звонко ударилось об борт. Зогг выловил странный предмет. Это оказалась бутылка.

– Пиксель, Ойли, плывите сюда, – позвал он. Пик первым подплыл к корме, подтянулся и вылез на палубу. Он выхватил бутылку из рук Зогга, посмотрел на свет и зубами выдрал пробку.

– Записка? – взволнованно спросила Ойли. Пиксель кивнул. Это была еще более маленькая бумажка. Даже не бумажка, а этикетка, оторванная от той же самой бутылки. На ней было написано всего два предложения и подпись «Я умираю от голода. Спасите меня, кто-нибудь! Трикки».

– Это Трикки! – закричал Пиксель, – он где-то здесь!

Он попытался залезть на мачту, что бы увидеть. Зогг быстро оглядел горизонт своим орлиным зрением и сказал:

– Вон там маленький остров. По-моему, там кто-то сидит.

Пик поглядел в указанном направлении, увидел, что там действительно что-то темнеет, не сказав ни слова, не медля ни секунды, нырнул в воду и поплыл.

Островок и вправду был крошечный. Двадцать шагов в длину, пятнадцать в ширину. Она сидела на горячем влажном песке, обняв руками острые коленки и втянув голову в узкие плечи. Огромные запавшие глаза влажно и немного безумно поблескивали. Когда он подплыл к островку, она резко вскочила и бросилась к нему на встречу. Когда она подошла к нему совсем близко, оказалось, что он на голову выше нее. Она дрожала, смеясь и плача одновременно.

– Ты получил мое послание! – прошептала она.

– Да, – ответил он тихо. И, так как не знал, что сказать, добавил: – Меня зовут Мэй.

– А я Трикки, – зачем-то сказала девушка и потеряла сознание.

Мэй осторожно подхватил ее, Трикки оказалась почти невесомой. Подплыла лодка.

– Нашел все-таки? Она? – спросил Зогг.

– Она, Трикки, – счастливо улыбнулся Пиксель, осторожно кладя девушку в лодку. – Надо ее накормить, когда очнется, – сказал он и оглядел островок.

– Хорошо, я сейчас бульон сварю, – ответ Ойли донесся до него как сквозь вату. А на островке сидела двухголовая ящерица.

– Здравствуйте, а вы что здесь делаете, – спросил Мэй.

– Я к ней пришла, – ответила одна голова.

– Но оказалось, время еще не пришло, – добавила другая. И тут же вся ящерица скользнула куда-то в сторону и растворилась в воздухе.

Мэй задумчиво рассматривал предмет, на котором она только что сидела. Это был саундер, музыкальный инструмент, похожий на гитару. Пригодится, мельком подумал Пик и положил его в лодку. А потом залез сам.

Когда Трикки очнулась, Ойли налила ей миску куриного бульона. Девушка мгновенно опустошила ее, а затем и всю кастрюлю. Потом стала с нескрываемым любопытством разглядывать путешественников. Спohватившись, что это выглядит странно, она потупила огромные глаза и тихо произнесла:

– Извините, просто я уже очень давно не видела разумных существ.

– Понимаю, я, например, несколько лет жил в пустыне, – сказал Мэй. Трикки внимательно взглянула на него. – А это у тебя откуда? – поинтересовался он, указав на саундер.

– Это? Просто еще во время потопа на остров вынесло банку, бутылку и этот музыкальный инструмент. Обидно, я ведь даже играть не умею!

– Правда? – удивилась Ойли. – У нас на плотовом острове был один парень, умеющий играть на саундере. Он часто аккомпанировал мне на моих концертах.

– Можем хоть сейчас что-нибудь такое устроить, – предложил Пик. Он сел на левый борт лодки и стал играть. Но оказалось, что той песни, которую он играл, Ойли не знает. Тогда он заиграл что-то другое, и это оказалась та самая мелодия, под которую она пела на последнем концерте.

– Погромче и побыстрее, пожалуйста, – попросила Ойли. Мэй заиграл снова, и она запела. Ее волшебный голос, слившись с веселым мяукающим брэнчанием саундера, превратился в крутую и смелую песню, которая рассказывала о фееричных и легендарных путешествиях, бесстрашных путешественниках и совершенно невообразимых приключениях, ожидающих их на пути.

Уже наступила ночь. Океан был лаково черный, мрачный и жутковатый. Но у всей компании было весело и легко на душе. Кроме разве что Трикки, которая почему-то съежилась, сидя на носу лодки спиной ко всем, и молча смотрела вперед. Мелодия кончилась, и Мэй заиграл другую. Ойли перестала петь, и Зогг пригласил ее на танец. Они танцевали что-то, но было так темно, что этого было совсем не видно. Им просто нравилось танцевать, а Пикселю нравилось играть. Так и плыла во мраке невидимая лодка, пробуждая своим весельем сонный океан.

Глава 15. Просто маленькая глава

Чтобы не сбиться с курса ночью, Пиксель и Зогг установили вахты. Мэй дежурил до двух часов ночи, а потом Зогг, который к тому времени уже успевал выспаться, нес вахту до самого утра.

Было около часа по полуночи. Мэй сидел на борту, скучал и иногда поправлял курс. Он оглядел лодку. Зогг и Ойли спали в спальных мешках, а Трикки как загипнотизированная смотрела в звездное небо. В ее глазах отражались звезды.

– Ты что не спишь, – спросил Пик, – что-нибудь случилось?

– Нет, все нормально. Просто мне нравится смотреть на звезды.

– Может быть, тебе не нравится путешествовать с нами? Если хочешь, мы можем высадить тебя на какой-нибудь хороший остров. Или давай поплывем вместе к Магу. – Он пытался разобратся, в чем дело.

– Зачем? – спросила Трикки.

– Зачем плыть? – уточнил Мэй.

– Нет, зачем все? Когда была пустыня, я вместе со всеми странствовала в поисках воды. Я мечтала, чтобы все вдруг резко изменилось, стало совсем по-другому.

– Я тоже об этом мечтал. И вдруг случился потоп. По-моему, это неспроста. Наверное, все жители нашей планеты пожелали этого, вот оно и материализовалось.

– Верно. И что теперь? По-моему, мы пожелали конец света. И он наступил.

– Но мы-то выжили, – воскликнул Мэй.

– Вот именно, – вздохнула Трикки. – Поэтому я и спрашиваю, почему? Зачем?

– Потому что это был не конец света, а конец пустыни и всякой фигни. Теперь нас осталось очень мало, и мир для нас стал намного меньше... Но не хуже. «Жалко, что она не была на том удивительном острове», с досадой подумал он. «Тогда бы она сразу все поняла».

Трикки поймала его взгляд, и ему стало немного страшно, потому что в глубине ее бездонных глаз он увидел какую-то другую странную вселенную. В которой что-то вдруг перевернулось, и запрыгали светлые искры.

– Я понимаю тебя, – прошептала она. Она придвинулась к нему, и он закрыл глаза. – Что ты жмуришься? – засмеялась Трикки.

– Я не жмурюсь, это рефлекс. Когда что-нибудь приближается к моему лицу, у меня закрываются глаза.

– Тогда, если что, то ты этого не видел.

– Чего, этого?

Трикки прильнула к его губам и поцеловала его. Когда он открыл глаза, она уже скользнула на край лодки и притворилась спящей. Вскоре проснулся Зогг и сменил его.

На следующий день Трикки вела себя, как ни в чем не бывало. Вечером они опять устроили концерт. Трикки было не видно, не слышно. Пиксель уже испугался, что она опять забила куда-нибудь и хандрит. Но тут ее силуэт мелькнул в темноте, и она села совсем близко к нему. Мэй вздрогнул, сбился на секунду и тут же продолжил играть.

Глава 16. Снова трое

Они приплыли в какое-то странное место. Вода была мутной, и от нее исходил тяжелый запах гнилых листьев. То здесь, то там возвышались какие-то непонятые островки из торчащих в разные стороны прутьев. Те же самые прутья, только переплетенные под водой, царапали дно лодки. «Что бы это могло быть?» задумался Зогг.

– Лес, – тихо ответила Трикки.

– Похоже. Интересно, кто теперь живет в его затопленных ветвях?

– Явно не птицы, – вздохнула Ойли.

– Что это за путарак там плавает? – воскликнул вдруг Мэй. – Смотрите, он приближается!

К лодке действительно несло какое-то существо. Над водой виднелась только его спина, утыканная плоскими костяными шипами. Существо подплыло к борту лодки и подняло страшную морду. Это оказалась рыба-топор. Она запрокинула голову назад и с силой ударило по борту лодки. По дереву пошла глубокая трещина. Рыба размахнулась снова, но Зогг разможил ей череп веслом.

– Плыдем отсюда, быстрее! – Зогг попытался грести, но лодка почти не двигалась с места, запутавшись в подводных ветвях. А из чащи выныривали все новые и новые рыбы. Рыбарапира, рыба-отбойный молоток, рыба-бензопила... Они окружили лодку плотным кольцом, ломали ее, выпрыгивали из воды и щелкали клыкастыми челюстями. Некоторые даже перепрыгивали через лодку, сбивая путешественников с ног. Другие запрыгивали внутрь и судорожно извивались на дне лодки, задыхаясь и разевая страшные пасти. Пиксель сначала сражался с рыбой-ножницами, потом долго пытался выбросить за борт рыбу-трезубец. Когда ему это удалось, он обернулся посмотреть, кому из его друзей нужна помощь. И с ужасом увидел, что в Зогга целится огромная блестящая рыба-лучемет.

– Зогг, осторожно, – крикнул он так громко, что сорвал голос. Но было уже поздно. Рыба с довольным чавканьем выпустила в спину Зогга очередь лиловых лучей-молний. Они слились в одну ослепительную вспышку, но Мэй оказался быстрее них. Он отчаянно прыгнул вперед, загородив собой друга, и молнии с шипением прошли его тело. Он мягко упал на дно лодки, уже по колено залитое водой.

Зогг и Ойли продолжали отбиваться от адских рыб, они ничего не заметили. А потрясенная Трикки бросилась к нему. Она осторожно приподняла его голову из воды и положила к себе на колени. Мордочка его лица медленно побледнела, челюсти были сведены судорогой, обтянутые кожей скулы казались еще острее, а глаза выражали муку и страх. Трикки хотела сказать что-нибудь успокаивающее и ободряющее, но когда она мельком взглянула на его разорванный обугленный живот, слова застряли у нее в горле. Она наклонилась и поцеловала его в губы, почувствовав сильный привкус крови. Он счастливо улыбнулся и по привычке закрыл глаза. Довольная рыба-лучемет нырнула обратно в темный омут и притаилась. Она рассчитывала, что когда другие рыбы потопят лодку, они набросятся на тех, кто будет барахтаться на поверхности, но один-то из них камнем пойдет ко дну. Это будет ее добыча.

Зогг понял, что так их точно потопят, поэтому сел на весла и стал грести как сумасшедший. Рыбы выскакивали из воды, вгрызались в него, кромсали борта утлого суденышка, но он их просто игнорировал. Просто греб и греб, до тех пор, пока не выгреб из затопленного леса. А Ойли все это время отбивалась от рыб.

И вдруг все кончилось. Они выплыли на открытую воду, и рыбы их не преследовали. Ойли облегченно вздохнула и обернулась.

– Ну что, все живы? – хотела спросить она. Но тут увидела Трикки, которая отчаянно трясла Пикселя за плечи и била его по щекам. – Трикки, не надо! – в ужасе воскликнула она. –

Ты же так только хуже сделаешь! – она еще не поняла, что произошло. А вот Зогг сразу все понял.

– Не делает. Ему уже все равно, – тихо сказал он.

– Возвращаемся туда! – не своим голосом прорычала Трикки. – Я собираюсь выпустить кишки этой чертовой твари.

– Мстить рыбам? Это бессмысленно. Тем более второй раз нам оттуда не выбраться.

Они похоронили Мэя на маленьком песчаном острове.

– Он был такой веселый, – задумчиво проговорила Ойли.

– И добрый, – добавила Трикки.

– И самый храбрый из нас, – закончил Зогг.

Они вычерпали воду, починили лодку и отправились дальше. Зогг и Ойли разговаривали мало, а Трикки снова ушла в себя. Карта безнадежно промокла.

Глава 17. Морские разбойники

Путешественники плыли в крошечной темноте. Ни один из них не спал. Ведь неизвестно, какая тварь может в любой момент напасть из черной морской глубины. Им было страшно. И не было больше радостных звуков саундера, чтобы отогнать этот страх. Зогг и Ойли сидели в центре лодки, тесно прижавшись друг к другу. Трикки сидела на корме, съежившись и обхватив руками острые коленки. И вглядывалась в необъятный беспросветный океан. А он вглядывался в нее.

Вдруг вдалеке забрезжил свет. Это были огни какого-то корабля. Он приближался. Зогг внимательно пригляделся. Корабль оказался очень большим. Просто огромным. Грязные паруса полоскались по ветру. По палубе сновали моряки. Злобно скалилась уродливая носовая фигура, а на самой высокой мачте хищно развивался пиратский флаг.

– Если они нас заметят, мы пропали, – пробормотала Ойли. Зогг молча кивнул. Все трое легли на дно лодки и затаились.

Корабль медленно и величественно проплыл мимо. Боцман, похожий на горбатую гиену, сидел на крыше рубки и лениво обводил море вокруг ярким корабельным прожектором. Вдруг за кормой слева круг света выхватил в волнах какой-то темный предмет. Это была небольшая лодка. Сначала ему показалось, что она пуста. Но потом он посмотрел в бинокль и заметил, что на дне ее притаились какие-то существа.

– Эй, дубины, – хрипло прокричал он матросам. – Вы что, ослепли? Не видите, свиниотские рожи, что за бортом шлюпка?! А ну, быстро на abordaj!!

Пираты зацепили лодку abordажными крюками и подтянули к борту. Боцман сбросил туда веревочную лестницу и приказал пассажирам подниматься на корабль. Пока матросы обыскивали лодку, он рассматривал пленников. Их было трое: здоровенный парень и две девушки. Парня он где-то видел. Когда-то давно, в то время, когда он еще был военным. Да, точно, был такой в его отряде. Огромный и не от мира сего. Как же его звали? Морской черт! Совсем вылетело из головы. Кажется, ром или грег... Да не важно! Помнится, он бесил его. Добрый как морской огурец и полный свиниот к тому же. А ну-ка его за борт, рыб кормить! А девчонок можно и оставить. Неплохие девчонки.

– Что вы решили, боцман Кхрогшр? – пробасил один из пиратов.

– А сам как думаешь, дубина? Девочек в трюм, а этого за борт!

Один из пиратов осторожно приблизился к Зоггу. Зогг врезал ему так, что он отлетел на пять метров и проломил стену рубки. Послышался дикий грохот. Пираты разразились проклятиями. На шум на палубу выбрался капитан. Он был очень жирный, кабанья опухшая морда заросла жесткой серой щетиной. Он совершенно не выспался, поэтому был настроен довольно свирепо. На плече у него сидел лысый одноногий попугай.

– Какого водяного вы тут грохочете как слонолоси?! Свиниоты! Безмозглые соплееды! Кхрогшр, почему не уследил?! А это еще кто?

– Хрючер Свиндер? – удивленно узнал Зогг.

– Откуда ты меня знаешь? – опешил капитан.

– Я был рядовым на острове Наш.

– А, – Свиндер зевнул. – Ясно. Давно это было. Теперь я Капитан Хрюк. А это мой корабль. Фрегат «Свиниот». А лейтенант – мой боцман и старший помощник. Пиратствуем помаленьку. А ты, я вижу, в работоторговлю подался? – он указал на девушек. – Молодец, уважаю.

– Нет, что вы, – возразил Зогг, – Это мои компаньонки, мы путешествуем вместе.

– А, хотя бы и так! На кой путарак тебе их столько? Продай нам одну! Хвостатую тебе жалко, так продай мелкую. Мои ребята будут рады.

– Я не собираюсь никому никого продавать, – чеканя каждое слово, проговорил Зогг. Его тон так напугал пиратов, что капитан сдался и замямлил:

– Ну нет, так нет. Я же не настаиваю.

– Может, вздернуть на рее? – с надеждой спросил Кхрэгшр.

– Да нет, зачем же сразу вздергивать, – благородно решил капитан. – Они же не пленники, а наши гости. Расскажите-ка, куда вы направлялись?

– В замок Мага, – ответила Ойли. Только у нас карта испортилась.

– Мага? – переспросил капитан. – Интересно, а где это?

– На Акульем хребте.

– Так это же совсем близко отсюда! Туда мы и без карты доплывем, если что. Только зачем?

– Маг может исполнять любые желания.

– Желания? – восторженно воскликнул боцман. – Бесплатно? Сколько желаний?

– Одно на человека, – ответил Зогг.

– Или на группу, неизвестно. – Добавила Ойли.

– И что же вы своей группой собирались пожелать? – поинтересовался один из пиратов.

– Мы бы попросили, чтобы лишняя вода ушла.

– Ну, нет, это ерунда! Когда кругом море, пиратам раздолье. Видимо придется вас все-таки вздернуть на рее. Кстати, на какой именно горе этот ваш замок Мага?

– Мы вам не скажем, – заявила Трикки.

– Почему же? – засмеялся Хрюк с плохо скрываемым раздражением.

– Потому что тогда мы вам будем больше не нужны, и вы нас утопите, – спокойно ответила девушка.

– Хм! Ну, якорь мне в плотку... так и быть! Идемте спать, а то утром не встанем.

– Кто р-р-рано встает, тот всех достает! – подал голос уродливый попугай.

– И то верно, – рыло капитана расплылось в довольной улыбке. – Тогда давайте веселиться. Кок, доставайте саундер!

– Я его сломал вчера, – ответил пират, которым Зогг проломил стену рубки.

– Обо что? – удивился капитан.

– Об голову боцмана, морской черт его подери!

– У нас есть саундер, – сказал Зогг.

– Отлично, тащите его сюда! Играть-то умеете? Ну, ничего, кок умеет. А кто нам споет? Может быть ты, спичка? – он показал толстым, как сарделька пальцем на Трикки.

Она только глубже втянула голову в плечи.

– Нет? Тогда ты!

– А почему бы и нет! – задорно ответила Лори Ойли. – Скажите мне слова ваших пиратских песен.

Пираты сказали ей слова, кок заиграл, и она запела.

«Тони по колено в грязи и в крови,

И жизнь свою прошлую в клочья порви,

Теперь ты разбойник, теперь ты пират,

И черт тебя знает, чему ты не рад!

Постой, не беги, присядь отдохнуть на сундук мертвеца,

Послушай, как бешено ветер свистит в парусах.

Пусть сердце черствеет, и сгнила душа,

И слово пирата дешевле гроша,

Коль стать ты не сможешь подлейшим скотом,

То место, приятель, тебе за бортом.

Она поджидает нас всех у дверей на тот свет,
Но даже она не пугает нас,
Одна голова ее – жизнь, а другая – смерть,
И с этой рептилией мы встречались не раз!»

Она пела яростно и бесшабашно. Глаза ее сверкали, и шерсть на хвосте встала дыбом. В ее голосе слышался шум и грохот безумных штормов, безжалостный вой ветра, и рев свирепых морских чудовищ, подстерегающих в морской пучине. А на последнем куплете ей стала подпевать Трикки. Ее голосок добавил в песню что-то таинственное, немного сумасшедшее и жутковатое. И все это получилось так завораживающе, что пираты все до одного слушали их, затаив дыхание.

Глава 18. В бухте Акульего хребта

– А как вы стали пиратом, капитан? – спросил однажды Зогг. – И как вы вообще спаслись со среднего острова? Феи сказали, что на среднем не осталось ни одного нашца.

– Действительно, не осталось. Но мы с Кхрэгшром сбежали на Наш, сразу, когда поняли, что дело дрянь. Как только в нашем городе узнали, что мы проиграли, они отказались воевать, подняли бунт и пошли с феями мириться.

– Вот и молодцы, – обрадовался Зогг.

– Да, уж, – задумчиво ответил капитан. – Прямо утопия какая-то. Помирились, стали корабли строить... Скука смертная. Некем командовать. Драться не с кем. Ну, тогда мы с лейтенантом набрали всякого сброда и угнали один из кораблей. С тех пор вот и плаваем.

– Ну и как, интересно? – спросила Ойли.

– Конечно! Погони, абордажи, чудовища всякие. Морские легенды.

– Расскажите что-нибудь?

– Почему нет? Есть, значит, где-то в океане летающие острова. В незапамятные времена, когда ни Потопа, ни Пустыни еще не было и в помине, оторвались они от земли и взлетели как по волшебству под самые облака. И поплыли по воздуху. Они летят так высоко, что до них почти невозможно добраться.

– Удивительно, – воскликнула Ойли, – настоящий поднебесный архипелаг!

– Интересно, где же сейчас эти острова? – с заметным скептицизмом спросила Трикки.

– Да лысый еж их знает! – весело махнул лапой капитан Хрюк. – Они уже тысячу лет летят непонятно куда, если вообще существуют.

Пару недель друзья путешествовали с пиратами. Трикки и Ойли помогали коку в камбузе, а по вечерам пели под саундер пиратские песни. Зогг работал на корабле на равне с матросами, и, если что, защищал девушек от самых наглых разбойников. Особенно от боцмана Кхрэгшра, который оказался на редкость неприятным типом.

Фрегат «Свиниот» на всех парусах неся к Акульему хребту. Была глубокая ночь. Лори Ойли и Трикки проснулись от того, что Зогг слез со своей койки и с грохотом уронил табурет.

– Ты чего? – сонно спросила Ойли. Зогг не ответил. Он как лунатик натываясь на стены пробирался к двери.

– Что-то не так, – заметила Трикки. – Посмотри на его лицо!

С лицом Зогга было действительно что-то не так. Оно стало непроницаемо тупым, а широко открытые глаза словно остекленели. Он открыл дверь и вышел из каюты. Сквозь дверной проем Трикки и Ойли увидели кока, боцмана и других пиратов. Они с такими же застывшими лицами направлялись к люку, ведущему на палубу.

– Это что, какой-то странный флэш-моб? – изумилась Лори Ойли.

– Вряд ли, – возразила Трикки. – Прислушайся.

Они прислушались. Откуда-то доносилась музыка. Это было странное завывающее пение, потустороннее и до жути прекрасное. Девушки протолкались сквозь толпу пиратов и выскочили на палубу. Таинственное пение стало нестерпимо громким. Штурвал вращался во все стороны. Кораблем никто не управлял. Впереди виднелись отвесные склоны акульего хребта.

– Где рулевой?! – испуганно воскликнула Лори.

– Наверное, уже на том свете! Не видишь, они все с ума посходили?

Ойли с ужасом увидела, что пираты, все как один, подходят к правому краю палубы и прыгают за борт. Некоторые из них тонут, а другие плывут к маленькому скалистому островку. На островке на больших каменных глыбах, наполовину погруженных в воду, сидели прекрасные сирены и пели. Когда один из разбойников подплывал к ним, они хватали его

и утаскивали под воду, а через секунду возвращались уже без него. Вскоре вода вокруг острова окрасилась кровью.

– Ну, нет, так дело не пойдет! Вот бестии! – Ойли разозлилась не на шутку. Она схватила брошенный на палубе саундер, подпрыгнула и изо всех сил звезданула им по башке Зогга, который тоже как зомби ковылял к правому борту. Оглушенный Зогг рухнул на палубу.

– Прости, Зогги, но ты сам виноват, – извиняясь пробормотала она. – Это для твоей же пользы.

– Тридцать три раза лысый еж! Свиниот несет прямо на скалы! – донесся голос Трикки.

– Может как-нибудь вырулим? – с надеждой спросила Ойли.

– Нет, мы вдвоем не сможем управлять таким огромным фрегатом.

– Ты куда?

– Отвязывать шлюпку!

– А как же Зогг?

– Тащи его скорее сюда!

Они с огромным трудом погрузили Зогга в шлюпку и спустили ее на воду.

– Ну что, будем грести к рифу?

– Сейчас я сам погребу, – медленно произнес Зогг, садясь и держась за голову. Он мутными глазами уставился на русалок. Заметив его, те снова принялись петь.

– Кажется, у меня опять крыша едет, – вздохнул Зогг.

– Ну, включи какой-нибудь инопланетный иммунитет! – в отчаянии воскликнула Ойли.

– Биоблокада? Она от них не действует.

– Я, кажется, знаю, что подействует! Ойли, пой!

– Точно, это же гениальная идея, – обрадовалась та и запела. Она пела все громче и увереннее, и вскоре ее волшебный голос заглушил гипнотические серенады русалок. Сирены пришли в неописуемую ярость. Они завывали как тысяча бешеных кошек и бросились в погоню за шлюпкой. При этом они потеряли всю свою красоту и стали похожи на длинных скользких акул с развешивающимися зелеными водорослями вместо волос и страшными клыкастыми лицами. Послышался оглушительный грохот. Это разбился о скалы фрегат «Свиниот».

Волны были такими сильными, что почти переворачивали лодку. А из морской пены со всех сторон тянулись к путешественникам жадные перепончатые руки. Несмотря на все это, им удалось доплыть до берега. Все берега рифа представляли собой высоченные отвесные каменные обрывы. Потому что до Потопа это был горный хребет, состоящий из отвесных скалистых гор. Шлюпку швырнуло волной о камни, и путешественники еле успели выскочить из нее и зацепиться за скользкие уступы. Они с трудом полезли вверх. Было темно, бушевал шторм, кровожадные русалки выпрыгивали из воды, стараясь добраться до них. Ойли почувствовала, что ей в ногу вцепились костлявые мертвенно холодные пальцы и стаскивают ее вниз. Она соскользнула с уступа и повисла на одной руки. «Все, это конец», обреченно подумала Ойли. Но тут сверху к ней потянулась маленькая загорелая лапка с тонкими пальцами. Она подняла голову. Сверху на нее смотрели огромные глаза Трикки. Ойли схватилась за протянутую руку и попыталась нащупать опору под ногами. Потом продолжила карабкаться наверх, и через минуту огромная рука Зогга вытащила ее на горизонтальную поверхность. Силы оставили ее, и она легла прямо на камни.

– Нет времени валяться! – строго сказала Трикки. – Что будем делать, если эти твари снова запоют?

И друзья полезли дальше. На западе занимался рассвет.

Глава 19. В замке Мага

Уже совсем рассвело. Друзья шли по извилистой горной тропе. Впереди виднелся высокий пик. На его острой припорошенной снегом вершине громоздилось странное здание. Туда они и направились. Трикки оглянулась на море, плещущееся далеко внизу. Когда они выйдут из замка, его там уже не будет. Оно спрячется обратно в берега, а на его месте снова раскинется прекрасный мир. И можно будет просто спуститься с гор и пойти куда глаза глядят. На все четыре стороны.

– Ради этого даже умереть не жалко, – сказал прямо над ухом призрак Пикселя. Трикки вздрогнула и обернулась. Кругом не было никого кроме Зогга и Ойли.

– Да нет, жалко, – тихо ответила она.

– Ты что-то сказала? – спросил Зогг.

– Да так, просто воображаемые друзья. В детстве меня иногда называли «немножко безумная Трикки».

К полудню путешественники взобрались на пик и оказались у подножия замка. Это было совершенно невообразимое сооружение, в котором каждый этаж был высотой в двенадцать этажей. Трикки, Ойли и даже Зогг казались на его фоне крошечными как мыши.

– Сразу видно, что здесь живет волшебник, – восторженно прошептала Ойли.

– Похоже на лабораторию или обсерваторию какой-то сверхцивилизации, – сказал Зогг. Гигантские металлические ворота растворились в воздухе. Навстречу гостям вышел блестящий серебряный великан ростом с двухэтажный дом.

– Ух ты, настоящий джинн! – воскликнула Ойли.

«Робот», подумал Зогг.

– Здравствуйте, друзья, – приветливым, но бесцветным голосом сказал джинн-робот. – Вам сюда. – Он указал на стеклянный лифт. Зогг осторожно зашел в лифт. За ним Трикки и Ойли. Робот-джин нажал на какую-то кнопку, прозрачные двери закрылись. Лифт, оказавшийся антигравитационной капсулой, плавно взмыл вверх. Они летели бесконечно долго: вверх, в сторону, снова вверх. Сквозь стены и потолки. Через громадные ярко освещенные залы, уставленные сложнейшими фантастическими приборами и непонятными магическими предметами. Было удивительно тихо... Наконец, капсула остановилась. Друзья вышли на прямоугольную белую поверхность, ровную как стол, а может это и было что-то вроде гигантского рабочего стола. Ждать пришлось не долго. Послышались мягкие шаги гигантских лап, и к столу подошло громадное черное существо.

– Это же Барсундук! – изумленно воскликнул Зогг.

– Правильно, Зогг, жители этой планеты называют нашу расу барсундуками.

– Так значит, Вы пришелец?

– Нет, – улыбнулся он, – я местный. Просто очень древний.

– А откуда Вы знаете, как его зовут? – спросила Трикки.

– Я многое знаю, – уклончиво ответил маг. – Говорите.

Зогг нерешительно шагнул вперед.

– Только учтите, у вас только одно желание на всех. Настоящих чудес много не бывает. Подумайте хорошенько!

И Зогг задумался, очень глубоко. Он представил себе бескрайние густые леса и цветущие луга и быстро проговорил:

– Мы хотим, чтобы Вы воскресили нашего друга!

И вдруг осознал, что может быть неправ. Ведь он говорил не только за себя. Согласны ли другие пожертвовать ради Мэя своей заветной мечтой? Он растерянно и виновато обернулся к девушкам, но тут же вздохнул с облегчением.

– Правильно! Пожалуйста, оживите Пикселя! – воскликнула Ойли и захлопала в ладоши.

– Да, это наше самое заветное желание, – веско подтвердила Трикки. – Только нам нужен настоящий Мэй. Тот самый, а не просто фантом или клон.

– Не волнуйся, – Барсундук улыбнулся. – Все честно. Я же не какой-нибудь вшивый шаман. У меня все волшебство настоящее. С научным подходом. Он подмигнул Зоггу огромным синим глазом. Потом вдруг щелкнул пальцами, и перед ними появился Пиксель. Тот самый, совершенно настоящий! Только мертвый.

Увидев труп пятинедельной давности Ойли взвизгнула и отскочила. А Трикки и Зогг вздрогнули.

– Надеюсь, сорока дней после смерти еще не прошло. А то будет гораздо сложнее... – очень тихо проговорил маг. Его добрые фосфорицирующие глаза были полны сострадания. Он осторожно положил тело Мэя на свою гигантскую ладонь словно мертвую мышку или маленькую сломанную игрушку. Маг поместил Пикселя в недра какого-то невероятного прибора. Там к его телу сами собой подключились тысячи тонких серебряных проводков так, что его самого не стало видно.

Друзья ждали, затаив дыхание. Несколько минут ничего не происходило.

Глава 20. Волшебный корабль

В голубом небе все так же неторопливо плыли легкие облака. Бесконечный океан был спокоен. Мэй сидел между стрелками гигантского указателя. Стрелок было две. Одна указывала вверх, а другая никуда.

– И снова здоровки, бедолага, – сказала двухголовая ящерица.

– Здравствуйте, – вздохнул Мэй.

– Ну что? – спросила одна голова.

– Куда? – добавила другая.

– Не знаю. А что там? – он указал в никуда.

– Ничего, – с готовностью ответила ящерица.

– А там?

– Не попробуешь, не узнаешь. Впрочем, подумай. Тебя никто не подгоняет.

– А третьего варианта точно нет? – с надеждой спросил Мэй.

– Ну, может быть, в течение сорока дней случится что-нибудь такое... из ряда вон выходящее.

– Там пройдет сорок дней, а здесь сколько?

– А где ты здесь видишь время? – усмехнулась ящерица.

Вдруг в глубине океана что-то гулко зарокотало. Указатель завибрировал, и из него со скрипом выросла третья стрелка. «Вперед» было написано на ней.

– Спасибо, – поблагодарил Мэй.

– Я здесь не причем, – сказала одна голова. – Это, наверное, твои друзья подсустились.

– Ну, я, пожалуй, пойду, прощай.

– До свидания, – поправила вторая голова.

Пиксель открыл глаза. Сейчас же словно множество серебряных рыбок бросились в разные стороны от него и исчезли. Он находился в какой-то глубокой нише, стены которой состояли из тонких ужасно сложных механизмов. Он вышел из ниши и увидел невообразимо громадную комнату, добрую морду Барсундука и стоявших поотдалу друзей.

– Пик! Живой! – заорали они и бросились его обнимать так, что чуть не задушили.

– Тридцать три раза лысый еж! Вы что все, с ума посходили? – прохрипел он.

– Лысый еж! Чудесное выражение! Какая прелестная прелесть! – в окно зала влетела смутно знакомая птица и села на плечо Барсундука. А у нее на плече в свою очередь сидел ущербный попугай капитана Хрюка.

– Не плюй в колодец, вылетит – не поймашь! Язык не лопатка, а загорится – не потушишь! – проорал он.

– Ну что, Вы довольны своим чудом? – спросил Барсундук?

– Да! – хором ответили Зогг, Трикки и Ойли.

– Подождите, подождите, – запутался Мэй. – так, значит, Вы и есть – Маг?

– Тогда у меня тоже есть желание! Хочу, чтобы лишняя вода ушла.

– Нет уж, – возразил Маг. – Одно желание на группу.

– Вы, наверное, просто не можете так сделать, – с вызовом сказал Пиксель. – Или не хотите. Признайтесь, Вам лень?

– Я могу это сделать – спокойно ответил волшебник. – Но я не буду ничего менять. Потому что, если мир стал таким, значит так нужно.

– Кому нужно? – ехидно осведомился Пиксель.

– Всем. Может быть, ты пока этого не понимаешь? Но Вселенная постоянно немного меняется, чтобы методом проб и ошибок постепенно стать лучше.

– Так и быть, – шутливо сдался Мэй. Со Вселенной не поспоришь.

– В любом случае, вы загадали хорошее желание. Я рад, – сказал Барсундук. – А то после потопа горы стали ниже, и теперь сюда лезут все кому не лень и желают всякую ерунду. Поэтому вам я еще кое-что подарю. Как бонус. Всего хорошего, друзья. И, может быть, до встречи.

Все вокруг внезапно расплылось словно в расфокусе, завертелось и исчезло. Четверо друзей оказались на плоском песчаном островке, к которому был пришвартован прекрасный белый корабль. Вместо парусов у него были огромные сверкающие на солнце солнечные батареи, а на боку красовалась серебряная витиеватая надпись «Барсундук». Он был поменьше пиратского фрегата. Как раз такой, в котором могут с комфортом путешествовать четыре человека.

– Вот это да! Очешуительно! Миллиард лысых ежей! – в восторге закричал Пиксель.

Он бежал на палубу по тонкому пружинистому трапу. Друзья поднялись за ним. Корабль был очень странным. Они исследовали каюты, а потом заглянули в рубку. Там их ждал сюрприз. Вся рубка была заполнена непонятными приборами, как в замке Мага.

– Да-а, – задумчиво протянул Зогг. – Я бы предпочел паруса...

– Может ты разберешься? Ты же водил космический корабль? – с надеждой спросила Ойли.

– Это было совсем другое. Для меня эти приборы – инопланетная грамота.

– Ничего, я разберусь. Я однажды построил вертолет из мусора, – сказал Пиксель. Друзья вышли из рубки, чтобы не мешать ему. Мэй очень долго бился над приборами, но у него ничего не получалось. Наконец он понял свою ошибку: он относился к приборам как к обычным механизмам, а они были волшебными и даже немножко живыми. Он протянул руки, и тысячи серебряных проводков протянулись к нему...

Когда корабль вдруг тронулся, Ойли и Трикки загорали на палубе. Ойли лениво села и стала смотреть на волны, быстро убегающие назад. Корабль продолжал быстро набирать скорость. Он несся вперед и вперед, а потом вдруг оторвался от воды и... полетел.

Ойли завизжала и зажмурилась, крепко вцепившись в поручни. Трикки восторженно вертела головой, разглядывая круглыми как блюдца глазами стремительно приближающиеся облака и море, уносящееся вниз.

Пиксель управлял кораблем. Он словно стал видеть на много километров вокруг, чувствовал каждое движение, каждый вираж, а волшебный корабль подчинялся его мысленным командам. В рубку ворвался Зогг.

– Ты что делаешь! – с порога крикнул он.

– Спокойно, все под контролем. Всегда мечтал поуправлять нормальным кораблем, а не какой-то паршивой лодкой.

Началась спокойная и счастливая жизнь. В трюме «Барсундука» путешественники обнаружили кучу разной еды и новый саундер. И опять каждый вечер Пиксель играл, Ойли и Трикки пели, потом Зогг и Ойли танцевали, а потом все рассказывали друг другу захватывающие пиратские легенды. Иногда они приземлялись на разные острова, исследовали их и помогали их жителям, а потом снова садились на «Барсундук» и летели все дальше и дальше.

– Когда-нибудь я попробую полететь на этой штуке в космос, – пообещал Зогг.

– А я, кажется, уже становлюсь популярной. Оцените. Как звучит: обаятельная и неотразимая Лори Ойли, звезда с небесного корабля.

Эпилог

Поднебесный архипелаг

Пожалуй, осталось рассказать только об одном событии. Было уже три часа ночи, и Мэй пошел спать. Навстречу ему в рубку прошел бодрый выспавшийся Зогг. Прошло еще часа два. Корабль отлично держался курса. Зогг подключился к управлению только чтобы посмотреть, нет ли впереди новых островов. Через несколько секунд он ошеломленно прошептал:

– Ох, ты ж, ёжик! – и бросился будить остальной экипаж. Вскоре все четверо уже стояли на палубе и восхищенно глядели вперед. Там в розовых рассветных лучах медленно проступало из мглы что-то фееричное, легендарное, совершенно невообразимое. Это были летающие острова. Их было очень много, и каждый остров был очень большой: с горами и лесами, реками и озерами... Настоящий поднебесный архипелаг! Он сверкал и переливался всеми цветами радуги в лучах утреннего солнца. Зогг, Ойли и Трикки потеряли дар речи. А Пиксель сказал:

– Отлично, здесь и будет наша база!

– Теперь мы сможем изменить мир к лучшему методом проб и ошибок, – прошептала немножко безумная Трикки. Глаза ее сверкали.

Мэй быстро спустился в рубку, чтобы пришвартовать «Барсундук» к ближайшему острову.

2014 г.

Среди льдов далёкой планеты

Глава 1. Город, название которого совершенно не важно. Земля, настоящее время

Все мои мысли и чувства настолько окоченели в тот момент, что я даже не сразу обратил внимание на пронзительную трель, прорезавшую тишину пустой квартиры. Возможно, я до сих пор не до конца поверил в случившееся. Не хотел поверить.

Я отчётливо помнил, как разозлился на неё, когда она потратила деньги, которые я копил себе на подарок ко дню рождения. Прошлый мой день рождения она проигнорировала, чтобы не тратиться лишний раз, а может быть (я не отсекал и такой возможности) просто-напросто забыла о нём. Поэтому единственным поздравителем был я сам. Я небезосновательно предполагал, что всё повторится и в этом году, поэтому нашёл себе кое-какую подработку. Я хотел купить себе дакимакуру, так как питаю некоторую слабость ко всему тёплому и мягкому. И, разумеется, был просто вне себя, когда узнал, что она беспардонно потратила мои сбережения на алкоголь и нелепое цветастое платье. Тогда это казалось мне трагедией всей жизни. Но настоящая трагедия случилась тремя днями позже. В этом же платье она была, когда я приехал, чтобы опознать её тело. Скорее всего, она умерла мгновенно: её шейные позвонки были не просто сломаны, а буквально раздавлены. Она была настолько пьяна, что не заметила несущийся по скользкому от дождя асфальту внедорожник. А может, лишь на столько, чтобы решиться броситься под колёса?..

От этой мысли становилось ещё более тошно. Конечно, я бы хотел вернуться в прошлое и не произносить вслух тех мерзостей, что наговорил ей месяц назад, но вряд ли это что-то бы изменило. Всю жизнь я ссорился с ней по любому поводу, иногда и без. Но в этом не было моей вины. Почти. Я ведь старался не расстраивать её. Правда, старался. Последние несколько лет только и делал, что выполнял то, что она требовала. Ведь не ради себя я отказался от смутной инженерной мечты в пользу вполне конкретной и востребованной экономики. Я ботал её как не в себя, чтобы поступить в этот грёбаный институт, хотя ничего в ней понимал, хотя она настолько скучна, занудна и бессмысленна, что меня тянет блевать... Но, опять же, это не имеет никакого значения, потому что на вступительный экзамен я всё равно не поехал. Какой может быть разговор об экзаменах, когда внезапно остался без матери?! А ведь ей было всего тридцать шесть... При этой мысли я вновь издал какое-то невнятное рыдание. Хорошо, что я сейчас в квартире один, иначе соседка из соседней комнаты непременно завопила бы голосом истерички с пятидесятилетним стажем: «НЕЛЬЗЯ ЛИ НАКОНЕЦ ЗА-А-АТКНУ-У-УТЬСЯ?!» А заткнуться было никак нельзя.

У меня в голове ещё звучал её голос, как всегда уверенный в своей правоте: «ну и что? Пусть тебе твои друзья дарят подарки! – Мам, отличная идея, только у меня нет друзей! – Конечно, нет! Откуда друзья у человека, который собрался праздновать восемнадцатилетие, не выходя из комнаты? – А что ты делала на своё совершеннолетие, позволь спросить?! – ядовито осведомился я, щёки её возмущённо вспыхнули. Ответ я и так знал: – правильно, меня. Так что благодарю покорно, лучше дома посижу! – Ты себя в зеркало видел? Тебе подобное и не грозит, – презрительно бросила она. Хотя на сей счёт я и так не питал иллюзий, из её уст данное замечание кольнуло меня весьма ощутимо. Но я безропотно стерпел бы ещё хоть десять тысяч оскорблений, только бы она была жива.

Я ещё не мог задуматься об этом всерьёз, но её смерть несла для меня и материальную катастрофу. За комнату уплачено до конца месяца. Если ничего не покупать (в том числе еду),

денег хватит ещё на пару месяцев... А что потом?.. Возможно, окажусь на улице, умру от голода или последую её примеру...

Да что же это так верещит?!

После долгих поисков, вызвавших вялое раздражение, я наконец пришёл к выводу, что это звонит домашний телефон (!). Из какого века, стесняюсь спросить, мне звонят?! Я взял трубку со всё возрастающим удивлением.

– Эм... З-здравствуйте...

– Добрый вечер – (уже вечер?) – Здесь живёт Курт Марш?

– Да, это я, – вздохнул я. Всегда ненавидел звучание своего имени и фамилии. Словно название какого-то невкусного блюда или средневековой пытки.

– Кхм, кхм, – незнакомец откашлялся, – я муж сестры Вашей матери, – для меня это звучало полной бессмыслицей, всё равно как если бы он сказал: «сын жены свекрови». Но чем дольше он говорил, тем больше возрастал мой интерес к этому разговору. Звучит абсурдно, но этот человек, которого я никогда в жизни не видел и даже не подозревал о его существовании, предлагал мне помощь! Он приглашал меня пожить у него до конца этого лета, а также намеревался заплатить за моё обучение в том учебном заведении, куда так жаждала пристроить меня покойная маман. Сказать, что я был изумлён – ничего не сказать. Я думал, такое только в сказках бывает. Представился неожиданный благодетель помпезным именем Бертольд Айсберг.

Сразу после сего странного разговора я разузнал о нём кое-что: этот господин владел известным издательством, что приносило немалый доход, судя по фотографиям стилизованного под старинный замок особняка с большой приусадебной территорией. Я сверил адрес с тем, что мне назвали по телефону. Неужели ЗДЕСЬ мне предстояло жить?! Хотя почему бы почтенному джентльмену не заняться подобного рода благотворительностью?.. также я узнал, что Бертольд овдовел около пятнадцати лет назад, и из родных у него осталась только дочь. Ну и, получается, я. Вся эта информация находилась в свободном доступе. Тем же вечером я купил билеты до городка Икстауна, от которого до поместья можно было добраться пешком, и собрал свои скромные пожитки.

Глава 2. Остров Коппергарт. Вельт, эра Позднего Льда, восемь лет назад

Адский гул машин заглушал даже мои собственные мысли. Я лежал на спине, по пояс забравшись в механизмы,двигающие ленту угольного конвейера и пытался устранить незначительную поломку. Рабочие уже начинали ворчать. Я пытался работать побыстрее, но делать всё приходилось фактически на ощупь: масляная лампа давала больше копоти, чем света. Надо бы смазать, мельком подумал я, когда ноготь царапнул по ржавчине. Наконец последняя гайка была закручена, и я вылез из-под конвейера, тяжело дыша. В цеху было жарко как в преисподней.

– вентиляция опять засорилась, – сообщил заместитель главного смотрителя шахты.

– Понял, Милорд, – ему не требовалось облекать эту информацию в форму приказа. Я взял длинную швабру, замотал нижнюю половину лица влажной тряпкой, и подставил складную стремянку к зарешеченному окошку вентиляции. Для этой работы обычно звали мальчишек-трубочистов, но я и сам мог пролезть в вентиляционную шахту и не брезговал этой работой, потому что за неё платили отдельно, хоть и совсем не много. Сажа запорошила глаза, мешала дышать. Она была даже хуже каменной пыли. Рука со шваброй онемела от однообразных движений, тело затекло от неудобной позы. На секунду я подумал, что потеряю сознание.

Наконец я почувствовал горячее дуновение воздуха и услышал характерный гул. Когда я вылез, тусклый рыжий свет горнов показался ярче сияния полуденного солнца. Я зажмурился и приложил замазанную сажей тряпку ко рту – меня накрыл приступ кашля. Это был не обычный кашель, какой порой ловишь от сквозняка. Он затаился в груди, а не в горле. Он вызывал боль и удушье. Когда я взглянул на повязку, то увидел на ней следы крови, и медный привкус стоял во рту. Я равнодушно сплюнул. Для меня это было совершенно привычно, как и для большинства тех, кто работал в шахтах. Ничего страшного.

Выходной день полагался мне за каждые сто двадцать часов работы. Я всегда распределял их поровну на десять дней. По счастью, сейчас как раз был конец десятого дня. На выходе я получил длинную полоску покрытого прозрачным лаком картона, которая и являлась моим жалованием (деньги на Коппергарте были не в ходу уже несколько десятков лет). К моему удовольствию, туда были заботливо вписаны все прочистки вентиляции и другие побочные поручения. По негласной договорённости эти средства я мог потратить на свои личные нужды. На улице уже зажгли немногочисленные фонари. Последние отблески заходящего солнца едва пламенели из-за Стены. Так было всегда – в рабочие дни солнечного света я не видел. Уже лёжа на комковатом матрасе в своём уголке я с удовольствием представлял, как вырвусь завтра из удушливых медно-каменных объятий города и проведу весь день на льду и в домике Старика Улла.

Наутро я даже не проснулся, когда отец и брат отправлялись в шахту, а мать собиралась на тканевую фабрику. Конечно, это не очень хорошо с моей стороны, но я всегда подгадывал так, чтобы наши выходные выпадали на разные дни. Встал я поздно. Я слишком устал за неделю, чтобы заставить себя выйти пораньше, хотя и хотел бы провести Вовне побольше времени. Первым делом я поджарил себе пару гренков, затем сбегал на рынок, предъявил свой чек и купил кулёк помадок к напитку. Старик выращивал у себя в домике растение, которое называл чаем. Оно требовало очень много света и тепла, поэтому на острове его давно перестали культивировать – слишком затратно – и пили просто кипяток, иногда добавляя синтетические вкусовые добавки. Но старик с пренебрежением относился к этой бурде. Он сконструировал систему линз, собирающую солнечный свет и направляющую его на крошечную чайную теплицу. У него вообще было много удивительных вещей. Именно от него я перенял тягу к изобретениям. И это именно он порекомендовал меня смотрителю шахты в механики.

Стань бы я простым рабочим – возможно и не дожил бы до сегодняшнего дня. То ли из-за болезни, перенесённой в детстве, то ли из-за недостатка пищи или ещё из-за чего, я немного слабоват.

Размахивая кульком, я с неизвестно откуда взявшейся прытью взбежал по обледелым ступеням сначала по внутренней стороне Стены, а затем бросился вниз. Улл уже ждал меня. Он оторвался от своего занятия (рыбалки) и замахал мне руками, сначала приветственно, затем предупредительно. Но это не помогло – я таки поскользнулся и преодолел последние несколько ступенек на мягком месте. Старик только покачал головой. Он улыбался.

– Здравствуй, Куб. Ты, как всегда сама элегантность.

– Спешил очень, – пожал плечами я.

– Не против, если мы побудем на улице?

– Конечно, я только что из дома, – что за вопрос! Я обожал стоять снаружи стены под необъятным лазурным куполом и вглядываться в бескрайнюю ледяную пустыню, ощущая свою ничтожность пред лицом мира. В такие моменты я верил, что существует нечто неизмеримо большее чем каша из сушёных грибов, комната восемь на восемь шагов и сварливый начальник угольной шахты.

– Ну-ну. Только больно пальто у тебя куцее. Пойду принесу что-нибудь более подходящее, пока ты не заоченел. А заодно и наживку, а то всю объели, свиноты, – Старик неторопливо поднялся во весь свой могучий рост. Даже в свои девяносто четыре он был выше меня в полтора раза. В наше время люди измельчали, да и не живут так долго. Его могучие ноги были толщиной почти с моё туловище каждая, а одет он был в прямо таки громадную мохнатую серую шубу.

Улл тяжело потопал к дому, а я полюбовался золотисто-персиковыми бликами на ледяных дюнах, а затем с опаской заглянул в прорубь. В это трудно поверить, но в глубине ещё остались заполненные водой лабиринты ледяных пещер. И из этих глубин, куда никогда не проникает солнце, Старик вылавливал жутких слепых рыбин, которые, несмотря на свою непривлекательную наружность, были восхитительны на вкус и пользовались большим спросом в городе. Прорубь была примерно полторы сажени в диаметре, но воды в ней не было видно даже в полдень – о её наличии можно было судить лишь по отдалённому плеску в глубине, который раздавался, если в неё что-нибудь кинуть.

Так вот, я заглянул в прорубь. Оттуда на меня глядели четыре огромных янтарно-золотых глаза.

Глава 3. Поместье Коулланд. Вельт, эра Позднего Льда

Шикарно! Всегда мечтал вкалывать за еду в дьяволом забытом поместье! Покорми свиновец, убери за свиновцами, убери весь дом, постирай, помой посуду, вымой пол, наруби дров, разбери грёбаный чердак!.. Годами он пылился, и это никого не волновало. Но Кайтлехту ведь нечего делать! Кайт у нас прохлаждается целыми днями и даром получает жалованье (сущие гроши, между прочим!). Барсундук свидетель, лучше бы я снова подался в матросы. Я не спал уже двое суток.

– Двоё грёбанных суток! Я так с ума сойду!

– Что? Кто это? – донёсся слабый голос откуда-то из столетних залежей хлама. Ну вот, пожалуйста. Началось.

– Такой же вопрос могу задать Вам, сударыня, – учтиво ответил я, – по моим данным, я здесь один. Граф вкушает жаворонковый вечерний сон в своих покоях. Так что если Вы воровка – я начищу Вам кабину, а если Вы – голос в моей голове – я не знаю, что сделаю, так как раньше не сталкивался с подобным.

– Граф? Воровка? Ты кто вообще? – я только сейчас понял, что голос говорит на каком-то незнакомом языке, но я понимаю каждое слово. Шизофрения, привет! Хотя... Я направился на звук, разгрёб пыльные поломанные вещи и обнаружил красивую тёмно-зелёную пирамидальную коробочку со светло-зелёным руническим узором. Судя по весу и прохладе гладкой поверхности, она была из полированного камня. Но едва ли прожилки натурального камня могут сложиться в непонятные руны. Невероятно, но голос доносился из коробочки. Я попытался открыть её по едва заметному шву, но только зря обломал ногти.

– Ты сидишь в этой зелёной штуке? – недоверчиво спросил я.

– Нет. Я сижу в своей комнате, – голос как у совсем юной девушки, – и держу в руках зелёную узорчатую четырёхгранную пирамидку. Вы тоже?..

Я глубокомысленно кивнул. Обозвал себя мысленно дибилем. Ответил утвердительно вслух. Затем спросил о реальном местонахождении моей собеседницы. Ответ мне совершенно ничего не сказал.

– А я выполняю обязанности дворецкого, садовника, повара и остальной чёртовой прислуги в поместье графа Коулландского. Не слышали о таком?

Тоже отрицательный ответ. Я бы с превеликим удовольствием поболтал ещё с мадмуазель из коробочки, но от ворот донёсся нетерпеливый звонок – кто-то приехал. Я запихнул пирамидку поглубже в карман и нехотя потрусил открывать. «Пригород Икстауна, Боринг роуд, особняк Айсбергов». Где это вообще?..

Глава 4. Особняк семьи Айсберг. Земля, наши дни

...Где это вообще?! Я покинул здание вокзала и оказался в ничем не примечательном, но опрятном городке. Отсюда до моря всего несколько километров на юг. Мне нужно найти некую Скучную дорогу и идти по ней до самого особняка (на автобус денег не хватит). Когда я уже выходил из города, мне навстречу пронеслась какая-то девчонка на роликах. Одета она была в совершенно пацанскую одежду, и принадлежность к прекрасному полу выдавали лишь волосы, покрашенные в эпатажный ультрамариновый цвет, и мяукающий, но весьма мелодичный голосок. Не сбавляя скорости и не снимая гротескно огромных наушников, она достала из кармана мобильник и недовольно прокричала в него:

– Да, Локи, я тебя слышу! Ты что натворил?! Совсем из ума выжил, придурок?! Время это не аттракцион, это серьёзная штука, чтоб ты знал!.. Настоящее уже меняется! Что? Континуум? В МЯСО!!! Ты отклонил временную линию минимум на сорок тысяч условных вероятностных единиц, а то и все сорок пять! Я в побочной линии, да... Конечно... Где?! Здесь ещё не построили космодром. Я в две тысячи ***дцатом. В условленном месте, да. Работаю над этим. Давай, до скорого, бро...

Возможно, она ещё что-то говорила, но я не расслышал. Эта внезапная встреча настолько озадачила меня, что я хотел даже последовать за ней, но она неслась слишком быстро, а я очень устал. «Да, Локи, ты явно забросил нас в параллельную вселенную, в которой у меня появились богатые равнодушные родственники» – мысленно усмехнулся я. Чёрт, я был почти уверен в этом.

Вид особняка превзошёл все мои ожидания. Чёрт подери, это был просто дворец! Ворота (там были ворота!) мне открыл сторож (офигеть, ещё и охрана!). Я прошёл по садовой дорожке, стараясь особо не вертеть головой, оглядывая обширный сад. Наверняка у них и садовник есть! В дом меня впустила горничная. Её можно было бы назвать симпатичной, будь она помоложе лет на тридцать. Господин Бертольд оказался высоким сухопарым мужчиной с аристократической осанкой и чопорным выражением лица. Он выглядел моложе своих лет, густые тёмные волосы только начинали седеть на висках, а черты лица были благородны и аккуратны. Короче говоря, если бы мы с ним вдруг остались двумя последними кунами на земле все три с половиной миллиарда тянок явно предпочли бы этого джентльмена. Я незаметно вздохнул. Мне даже было как-то неловко было ступить пыльными стоптанными кроссовками на начищенный до зеркального блеска паркет.

– Проходи, не бойся, – произнёс он покровительственным тоном, поприветствовав меня сдержанным кивком головы и вежливой улыбкой, – присаживайся, Курт.

– С-спасибо... – я неловко опустился в мягкое кожаное кресло напротив него. Элегантный интерьер гостиной угнетал.

– Элеонора, моя бедная покойная жена, была кузиной твоей матери. Она была очень... Привязана к ней и просила позаботиться о тебе, если с той что-нибудь случится. Я полагаю, пришло время выполнить её волю.

– Ясно понятно, – ответил я. В его взгляде отразилось едва заметное недовольство. Брови чуть приподнялись, изобличая лёгкое удивление. Думать об этом человеке менее высокопарными словами я просто не мог.

– Я хотел сказать, огромное Вам спасибо, Вы меня просто спасли! – поспешно поправился я.

– Рад помочь. Я выделил тебе комнату на третьем этаже. Ванная комната в конце коридора, надеюсь, ты не против, что прислуга тоже ей пользуется?

– Всё в порядке, – пролепетал я. У меня будет своя комната!! Личное пространство, приватная территория, убежище, обитель, логово, сычевальня, которая принадлежит исключительно мне одному!..

– Простите, что Вы сказали? – я так замечтался, что даже не расслышал его следующую реплику.

– Столовая на первом этаже, ужин сегодня в семь. Там вы и познакомитесь с моей дочерью. Я искренне надеюсь, что вы поладите. Дело в том, что у неё не так много друзей... Я решил, что ей лучше учиться дома, поэтому она так и не научилась ладить со сверстниками – добавил он уже не таким официальным тоном и запнулся, словно боялся, что сказал лишнее. Я не стал заострять на этом внимание и отправился в свою комнату, чтобы переодеться, принять душ и отдохнуть после долгой дороги.

Где-то без десяти семь я с опаской спустился в столовую. Горничная торопливо накрывала на стол, за которым уже сидели господин Бертольд и её дочь. Я ожидал увидеть кого-то принцессеобразного, ну, знаете, думал, что дочь будет под стать отцу. Степенное кукольное личико, аккуратное женственное платье, возможно, золотистые кудряшки... Но за столом сидела та самая тьян, которая двумя часами ранее пронеслась мимо меня, обсуждая с кем-то по мобильнику научно-фантастические катастрофы.

– Привет, ты Курт Марш? – осведомилась она, рассеянно рассматривая меня поверх блюда с салатом.

– Да. А ты, должно быть...

– Саманта Изабелла Барбара Айсберг, – дерзко перебила она.

После ужина Бертольд удалился в свой кабинет, а мы с Самантой Бля-Бля-Бля отправились в гостиную.

– Мда, – резюмировала она, ещё раз оглядев меня.

– Что «мда»? – уточнил я, чуя неладное.

– Я ожидала братишку посимпатичнее.

– Уж какой есть, любезная кузина! – возмутился я. И тут же пошёл в контратаку:

– Саманта Изабелла Барбара? Что курили твои родители в молодости? И как тебя называть прикажешь? Белла? Барби?..

– Назовёшь Беллой – получишь леща. А за Барби выцарапаю глаза. Я Сэм, для друзей – Сэмми. Но для тебя только Сэм.

– Да понял я, расслабься!

– А ты у нас значит Курт, как Кобейн?

– Как Кобейн, – вздохнул я. Почему-то я не удивлён, что у неё мало друзей. Наверное, от матери этой барышне достались зелёные русалочьи глаза, от отца – тонкий стан и дворянские замашки, фигура – от листа фанерки, а характер, как я пока только начал догадываться – от одного небезызвестного падшего ангела.

– Папа поселил тебя в комнате на чердаке? – в вопросе я отчётливо расслышал претензию.

– Ну... Да.

Что-то в её взгляде вызвало у меня серьёзные опасения. Не успела она продолжить свою мысль, как в комнату торопливо вошла горничная и почтительно проговорила:

– Саманта, Вы потом поболтаете с кузеном, а сейчас, пожалуйста, идите в библиотеку. Пришёл ваш психоте... – тут она покосилась на меня и неловко исправилась на полуслове: – ...репетитор.

Усмехнувшись про себя, Саманта как-её-там со скучающим лицом покинула гостиную, не удостоив меня ни словом, ни взглядом.

Глава 5. Окрестности Коппергарта. Вельт, эра Позднего Льда, восемь лет назад

Я в страхе отшатнулся.

– Не бойся, Куберт. Мы пока не собираемся забирать тебя, – произнёс обладатель жутких глаз.

– Кто ты? – прошептал я, преодолевая себя и снова заглядывая в дыру.

– Кто из нас тебя интересует?

– Оба...

– В твоём языке нет слова, чтобы назвать нас обоих, – ответили они дуэтом. Глаза приблизились, так что я смог увидеть в них своё тусклое искажённое отражение. Также я смог увидеть, что пары глаз принадлежат двум разным головам, но росли они, кажется, из одного тела. Тела, покрытого тускло-золотой чешуёй (такой камуфляж был бы более уместен на песке). Мощные короткие когтистые лапы упирались в стенки колодца – существу было явно тесно в проруби. Оно произносило слова, не открывая рта. Голоса у голов были совершенно одинаковые, но перепутать их было невозможно. Я чуял едва уловимый запах, идущий от существа: морозного ветра, солоноватых брызг и водорослей, озона грозowych туч, раскалённой спёкшейся глины пустыни... Запах Древнего Мира.

Я сдавлено вскрикнул, отпрыгнул от проруби и сделал так, как частенько поступала моя мать, когда пугалась чего-нибудь (например обыкновенной крысы) – зажмурился и забормотал мысленно: «чего я не вижу, того нет. Чего я не вижу, того нет. Чего я не вижу, того нет! ЧЕГО Я НЕ ПОНИМАЮ, ЧЕГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, ТОГО И НЕ СУЩЕСТВУЕТ!!!»...

– А вот это точно неправда. Ты и сам в это не веришь, я же знаю. Ты не такой, как *они*, – донёсся затихающий голос из колодца. И хоть он и не звучал на самом деле, его эхо ещё долго звенело у меня в голове. В таком состоянии меня и застал Старик, когда вернулся: сидящим в двух саженях от края проруби прямо на льду, съёжившимся и зажмурившимся.

– Что с тобой, дурачок? – встревожено спросил он.

– Оно там... В глубине... Чудовище с двумя головами!..

– Ты тоже его видишь? – удивился он, – я частенько болтаю с ним. Оно... Они... Не так страшны как кажутся. С ними интересно потолковать о древнем. О вечном.

– Кто это?

– Очень древнее существо. Даже больше чем существо, пожалуй. Не хорошо, что ты его видел. Оно не приходит просто так.

– А когда приходит?..

Улл не ответил. И это напугало меня сильнее самого мрачного пророчества.

– Как твой кашель, Куберт? – почему-то спросил он.

– Почти не беспокоит, – машинально соврал я.

– Чего я не видел, того нет, – я вздрогнул, – ты знаешь эту присказку?

– Ну... Моя мама так иногда говорит. И, кажется, соседка...

– Так говорят многие жители Коппергарта. Но что самое страшное – большинство из них в это верят. А ты как считаешь, Куб, существует ли жизнь вдали от острова, на периферии?

– Я вообще не считаю Коппергарт центром мира, если уж на то пошло, – ответил я. Уллу можно так ответить. Но любой другой счёл бы такой ответ сумасшедшим или просто глупым. Старик грустно улыбнулся.

– Я так и думал. В этом я полностью с тобой солидарен. Боюсь, рано или поздно жизнь на острове задушит тебя. Если не разум – то тело. Скорее всего, я рассказывал тебе, о том времени, когда остров только стал островом?

– Да. Это произошло из-за величайшей бури. Потопа. Тогда остров ещё не имел названия.

– Тогда всё было иначе, – подтвердил Старик, – мир населяли гигантские создания, для которых ты был бы...

– Не больше фаланги пальца! – восторженно перебил я. Я обожал эту историю. И никогда ещё она не казалась мне столь реальной.

– Именно так. И Коппергарт был способен прокормить лишь одного из них. Он дал нам знания. Основы механики, сельского хозяйства, строительства – всё, что мы знаем сейчас, наши предки переняли у Него. К сожалению, их разум был ещё довольно примитивен. Затем Он построил корабль и уплыл. Мир звал его.

Я вздохнул. В детстве я часто воображал, какие приключения ждали мудрого великана в бескрайнем бурном океане. Достиг ли он своей цели? Нашёл ли другие земли? Конечно, он давно мёртв, но может его измелъчавшие потомки до сих пор бродят по свету? В любом случае, Коппергарт остался в стороне от большой жизни. Он ещё какое-то время торговал с проплывающими мимо кораблями, (в это трудно поверить, но у нас был даже небольшой порт) а также неоднократно подвергался нападениям пиратов. Для защиты от них и была построена стена.

Но потом океан замёрз. Это произошло не мгновенно (Улл даже говорил, что во времена его раннего детства пустыня ещё была разделена на отдельные исполинские льдины), но после этого уже ни один человек не приходил на остров из Вне. Горожане пребывают в полной уверенности, что все вне острова вымерли, а может, никогда и не существовали. Город вгрызся в недра острова, жадно высасывая угольную и медную руду, превращая подземные пустоты в фермы и плантации. Все жители острова ходят друг на друга, потому что так или иначе состоят в родстве. Мои родители, например, приходятся друг другу двоюродными братом и сестрой. Не трудно догадаться, что рано или поздно ресурсы истощатся, но коппергартцы выгоняют саму мысль об этом из поля зрения, предпочитая исступлённо бормотать: «чего я не вижу, того нет». Никто из них не откроет глаза и не произнесёт этого вслух. Им страшно признать, что...

– ... Коппергарт умирает, – сказал я неожиданно для себя самого. И сам удивился уверенности, прозвучавшей в голосе. Ни намёка на вопросительную интонацию. Ни намёка на страх. Улл снова вздохнул.

– Это происходит постепенно, как замерзание океана. Но это так. Хотя я вряд ли увижу, чем это закончится. Да и ты тоже.

– Если у острова нет будущего, нужно найти его в другом месте. Нужно построить корабль, как великан-основатель! Только сухопутный корабль, который сможет ехать по льду. Главное только убедить остальных...

– Я потратил на это полжизни! – горестно воскликнул он, – коппергартцы не поймут этого, даже умирая от голода! – никогда я не видел, чтобы Старик вышел из себя. Не слышал в его голосе столько боли и ярости, – я понял это слишком поздно. Мне нужно было бежать одному, без оглядки. Но теперь я уже слишком стар.

Лицо Улла посерело. Внезапно он как будто постарел лет на двадцать, но на самом деле просто стал выглядеть на свой настоящий возраст. Это пугало.

– Тогда я построю корабль только для себя. Я доберусь до обитаемых земель, возможно, даже смогу привести помощь из Вне.

– А возможно сгинешь в ледяной пустыне. Заблудишься, или горючее кончится, умрёшь от голода, замёрзнешь насмерть. Я не утверждаю, что больше никого не осталось. Но никто не обещал, что тебе по силам их найти. Это опасное предприятие, Куберт. Буду откровенен – скорее всего оно закончится твоей смертью. А я не хочу быть тем, кто толкнул тебя на это.

– А какие есть варианты? Ты никогда не говорил этого напрямик, но кажется я понял. Мой кашель... Ты прав, город душит меня каменной пылью в воздухе своих шахт. Этот двухголовый ящер, – я со спокойным сердцем заглянул в прорубь. На этот раз там было темно и пусто, как и всегда – он показывается лишь тем, кто скоро умрёт, верно?..

...С тех пор, как мы начали воплощать в жизнь нашу самоубийственно смелую идею, прошло больше шестидесяти дней – ведь я мог принимать участие в строительстве только по выходным, да и материалы нельзя было закупить все сразу, чтобы не вызвать подозрений. Хотя я и не делал ничего формально противозаконного, было очевидно, что общество нашей затеи не одобрило бы.

Город освещали лишь тусклые огни котельных, а за стеной и вовсе царила кромешная тьма. Я крался по лестнице, словно вор, изо всех сил стараясь не поскользнуться и то и дело поправляя лист кровельного медного сплава, сползающий со спины.

– Последняя деталь, – устало выдохнул я, стараясь отдышаться, – должно хватить, чтобы закончить обшивку. Еда тоже при мне.

– Ты больше не будешь заходить домой? – удивился Старик.

– Нет, – покачал головой я, – боюсь, иначе они могут меня удержать.

Это была ложь, потому что на самом деле я боялся, что удержу себя сам. Забыюсь под матрас и останусь в Коппергарте навсегда. Потому что мне было страшно. Действительно очень страшно. Кажется, Улл догадался, что я sluкавил, но виду не подал. Кто знает, может когда-то с ним и случилось подобное.

– Закончим за сегодняшнюю ночь и завтрашний выходной. Следующей ночью отосплюсь и с рассветом... – я нервно сглотнул, – ...отправлюсь в путь.

– Довольно логичное решение, если хочешь подольше проехать при свете, – одобрил Улл. Мы отправились на нашу стройплощадку. Дом Старика скрыл бы её от любопытных глаз, если бы кому-то вздумалось выглянуть из-за Стены.

Наше творение не выглядело особенно надёжным, быстрым, да и красотой не отличалось. Оно имело четыре шипованных колеса для хорошего сцепления с заснеженным льдом и приводилось в движение паровым двигателем, который, как и все машины в Коппергарте, работал на угле. На случай, если не вовремя закончится топливо, прилагались тщательно смазанные полозья и два съёмных небольших паруса. Каркас и обшивка этого нелепого чуда состояли из различных дешёвых сплавов. На более качественный металл у меня просто не было денег – я и так экономил даже на еде. Древесина и вовсе была роскошью, ведь деревья могли расти лишь в теплицах, от которых на острове почти отказались в последние годы. Прозрачный пластик тоже был редкостью, так как единственное крошечное месторождение нефтепродуктов на острове было почти исчерпано. Так что в кабине было всего одно небольшое окно, разумеется, спереди. В салоне едва хватало места для запасов провизии и для меня самого, но я не жаловался. Зато он будет прогреваться от тепла, вырабатываемого двигателем, и ночью в нём можно будет спать с относительным комфортом.

Пришло время закрутить последний винт. Я сделал это без особенной радости. Давила усталость. Страх нарастал. Мои пальцы уже онемели от холода, а ведь я пробыл на улице всего несколько часов. А ведь во время путешествия я не смогу попасть в нормально утеплённое помещение в течение недель?.. Месяцев?.. Велика вероятность, что это вообще последняя ночь, которую я проведу в доме.

– Ты совсем вымотался, – заметил Улл, – Я и сам справлюсь с загрузкой провизии. Иди в дом, поужинай хорошенько и постарайся выспаться, – я с удовольствием последовал его совету. Как ни странно, уснул я почти сразу же и проспал спокойно до самого утра.

Когда я проснулся, солнце уже взошло, и его лучи били мне в глаза, отражаясь от смёрзшейся снежной корки. Я спросил Старика, в какую сторону лучше поехать, но он ответил, что не имеет ни малейшего понятия, поэтому я решил оправиться на запад, чтобы солнце не слепило глаза. Я обнял Старика. В ноздри ударил запах рыбы, исходящий от его огромной серой шубы. Он протянул мне толстую рукописную книгу в обложке с металлическими вставками.

– Вряд ли это пригодится кому-то кроме тебя. На этом чёртовом острове никто не интересуется ни астрономией, ни биологией, – я принял подарок растроганно и с неподдельной

радостью – книга обещала быть интересной и полезной, так как Старик занимался также производством линз и собрал, используя их, микроскоп и телескоп, с помощью которых и проводил свои исследования.

Я установил полозья и парус, чтобы сэкономить топливо: в тот день дул сильный и постоянный восточный ветер. Я решил, что это из-за его морозного дуновения у Старика слезились глаза.

Интересно, заметил ли начальник смены или кто-либо из шахтёров, что я не вышел на работу? Обеспокоена ли моя семья тем, что я не ночевал дома сегодня ночью? В любом случае им и в голову не придёт, что я стою сейчас на крыше самодельного сухопутного плота, стремительно удаляющегося от Коппергарта. Снег упруго гудел под полозьями, парус выгибался от напора ветра, словно спина перепуганного грязно-белого кота. Обшивка несмотря на лёгкое дребезжание держалась крепко. Я поплотнее запахнул полы подаренного Уллоу тулупа и неотрывно глядел на городскую стену, прикрыв глаза от пылающего над ней солнца. Несомненно, именно из-за этого беспощадного света, у меня на глазах выступили слёзы. Когда смотреть стало совсем невозможно, я отвернулся и стал глядеть походу движения.

Почему-то долгое время я не хотел оглядываться из-за смутного беспокойства, а когда снова посмотрел назад – Коппергарт исчез. Беспокойство переросло в неконтрольный ужас, душивший меня своими щупальцами, как одно из подводных чудищ. Я пытался убедить себя, что остров продолжает существовать, невзирая на то, что исчез из моего поля зрения. Пытался представить, как открывается продуктовая лавка возле моего дома, как мать недовольно морщит нос от мельчайших частиц волокна, витающих в застоялом воздухе швейной фабрики, как мальчишка-трубочист протягивает чёрную от сажи руку, чтобы получить скромную плату за свой нелёгкий труд. Но всё это казалось таким далёким... Совсем нереальным... Может, стоит немного проехать обратно, чтобы лишь увидеть на горизонте Стену?.. Сердце по ощущениям колотилось где-то между ушами, не давая нормально соображать, трясущиеся руки уже тянулись к парусу, чтобы снять его, но я приказал себе пресечь эти глупые малодушные мысли. Я попытался представить себя Великаном-основателем из древней легенды и, как ни странно, это помогло. Я спокойно сел возле рулевого паруса, скрестив ноги, и погрузился в свои мысли, созерцая бесконечную череду несущихся мне навстречу снежных барханов.

Глава 6. Сделка в поместье Коулланд. Вельт, эра Позднего Льда

Несколько раз поскользнувшись в потёмках на обледенелых дорожках двора, я всё же добрался до ворот. Отодвинул засов, распахнул тяжёлые створки. Изящная карета, запряжённая длинноногим вороным жеребцом, чинно въехала в ворота. Из обитого бархатом салона непринуждённо выскочил аристократичного вида юноша лет восемнадцати... Шестнадцати?.. В темноте и не разберёшь. «Пожалуй, даже слишком жеманный для парня. Раздражают меня подобные индивидуумы» – успел подумать я, пока сопровождал его до дверей поместья. Небольшого роста, весьма субтильный, прямые чёрные волосы довольно короткие, но лежат слегка небрежно. Он носил короткий кожаный плащ, едва достававший до середины бедра, узкие, слегка потёртые брюки обтягивали стройные как у девушки ноги, массивные высокие сапоги со множеством декоративных металлических деталей (было заметно, что они не новые, но хозяин заботливо чистит и полирует их прямо таки с фанатичным рвением) выделялись своей бунтарской брутальностью, а маленькие, почти детские, руки плотно обтягивали кожаные перчатки. Всё одеяние было словно вырезано из цельного куска ночи. Уж не носит ли парнишка траур? Хотя, что я смыслю в дворянской моде!

– Я желаю обсудить кое-что с графом Коулландским, – заявил он. Голос довольно высокий (почти как у девушки; ещё не до конца сломался?) и немного хрипловатый, но в целом приятный. Правда, уж больно надменный тон.

– Граф спит. Вы на часы-то смотрели, лорд...

– ...Итшихи. И мне бы хотелось, чтобы ты разбудил его.

(Хотелось бы ему, видите ли! А в рот тебе не плюнуть жёванной морковью?)

– Разумеется, Милорд, – и я отправился будить графа, предвкушая смачные люли, которые он не поленится отвесить мне спросонок. Он и правда был недоволен, но увидев лорда Итшихи постепенно подобрел. Он вёл себя с ним так галантно и елейно, а потом сказал...

– Присаживайтесь, миледи.

Я готов был провалиться на дно замёрзшего океана. Ну конечно же! Какой же я идиот! Она настолько же парень, насколько я гребучий Барсундук! Представляю, что она обо мне подумала – я, кажется, с полдюжины раз назвал её милордом. Прошу простить, юная госпожа – я так давно не спал, что уже ничего не соображаю!

Она изящно опустилась в громоздкое кресло, небрежно закинув ногу на ногу. Граф (любитель волокаться за юными леди, как и большинство заскучавших пожилых дворян) предложил ей закурить, выпить чаю или чего покрепче, но она довольно сухо отвергла его предложение. Пренебрежительным движением руки граф отослал меня прочь из комнаты, но мне удалось подслушать, о чём они говорили. Внезапно из глубин моего кармана донёсся приглушённый голос:

– Что у Вас там происходит, Кайтлехт?

– Можно просто Кайт, – я уже и забыл о говорящей шкатулке, – тут к этому старому недотёпе приехала юная особа, леди... Итшихи, кажется. Она предлагает заключить сделку: купить по дешёвке принадлежащих графу мёртвых крестьян. До следующей переписи они формально считаются живыми, и за них приходится платить налоги. Так что он с радостью согласился. Чистая формальность. Уж не знаю, зачем они ей сдались...

– Наверняка какие-то экономические махинации с землями, – рассудительно ответила она, – у нас даже книга про это есть.

Я не понял, где это «у нас», но согласился, что звучит логично. Не то чтобы меня это интересовало. Гораздо интереснее был небольшой но тяжёлый мешочек, оставленный сиротливо лежать на вычурном курительном столике – старый маразматик не потрудился спрятать

выручку от этой сумасбродной сделки и, похоже, напрочь забыл об этом. Я конечно могу отнести его ему. Мешочек, набитый серебром. Возможно, золотом. Но ведь я поступлю по-другому, правда? Это весьма обычный поступок для того, кто в десять лет отроду стал сиротой, с тринадцати гнул спину, работая матросом на торговом судне, немного баловался контрабандой, затем был вором-домушником, вышибалой в кабаке... Да чем только не промышлял.

Я инстинктивно оглянулся, подчиняясь выработанной с годами привычке – в комнате, разумеется, никого не было. Метнулся к столу, схватил мешочек, сунул в карман широких хлопчатобумажных штанов, повернулся к двери... И встретился взглядом с насмешливыми серыми глазами леди Итшихи.

– Тебя здесь не кормят что ли? Такой себе из тебя дворецкий, – усмехнулась она, показав мелкие белоснежные зубы.

– Да, обращаются как со скотом. Ни в грош не ставят! – вздохнул я, чтобы выгадать время.

– Ха-ха, похоже на правду. Расслабься – мне наплевать, что случится с этими деньгами. Но мне бы пригодился ловкий и сильный парень в качестве слуги и телохранителя. Если согласен, можешь считать это своей первой оплатой.

– Внезапное предложение... – ошеломлённо протянул я. Уж не издевается ли она надо мной?

– Я не шучу. Долго собираешься тупить? Не разочаровывай меня.

– Ну... Хуже чем в этой дыре мне уже вряд ли будет. Так что я согласен. Вы промышляете чем-то...

– Незаконным? Весьма бестактный вопрос. И ответ отрицательный, – когда она произносила эти слова, мы уже вышли на морозный вечерний воздух. Молча добрались до кареты. Конь изучающе покосился на меня блестящим чёрным глазом и пренебрежительно фыркнул.

– Посмотрим, – пожала плечами Итшихи. Неужели эксцентричная барышня отвечала ему?..

Салон кареты изнутри выглядел гораздо просторнее, чем снаружи. Он был обит бархатом и шёлком (всё того же угольного оттенка) и встретил меня благодатным теплом.

– Ты выглядишь изнурённым, – сказала она, – можешь лечь.

Я убрал под сиденье свои выдавшие виды сапоги, подтянул колени к животу (кушетка всё же была довольно тесной, для человека моего роста), укрылся мягким пледом и сон навалился на меня, как упавший несгораемый шкаф. Сквозь полу прикрытые веки я смутно видел Итшихи, забравшуюся с ногами на противоположную кушетку, натянувшую покрывало на костлявые коленки и погружившуюся в чтение толстой книги в матово-чёрной обложке без единой надписи. «Без кучера едем, – вдруг понял я, – доверяет она своей лошадке... Куда мы, кстати? Но не всё ли равно...»

Подковы царапали лёд железными шипами, равнодушно шуршали полозья кареты. В карманах моей походной куртки позвякивали мешочек с монетами, складной нож и волшебная зеленая пирамидка. Я заснул.

Глава 7. Комната на чердаке. Земля, наши дни

– О, эти дурацкие японские мультфильмы! – я услышал это внезапное мерзкое восклицание даже сквозь наушники и даже подпрыгнул от неожиданности.

– ЧТО ТЕБЕ НАДО?! – в бешенстве воскликнул я, тщетно пытаюсь поставить на паузу аниме на упавшем с дивана ноутбуке и выпутаться из наушников, мгновенно завязавшихся четырнадцатью морскими узлами, – Ваше грёбаное величество, Вас не учили стучаться?!

– Ну, ты бы всё равно не услышал, а мне нужно забрать кое-что.

– То есть ты считаешь, что можно просто взять и войти? Мало ли, что я тут делал!

Сэм смерила меня презрительным взглядом.

– Ты ещё пометь её, свою драгоценную комнату! Хотя, для плебея, который всю жизнь ютился в убогом шалаше, это вполне естественно. И вообще, пока ты не появился, это была моя секретная чердачная база.

– Секретная база? Тебе пятнадцать или десять?

– ... Сказал человек, смотрящий дурацкие японские...

– ...АНИМЕ! Неужели так трудно запомнить слово?

– Мне плевать, как это называется! Всё равно я не стала бы смотреть подобную дичь.

– Как ты можешь судить о том, что даже не пробовала? – скептически заметил я. Как ни странно, Сэм призадумалась над моими словами.

– Мой отец считает их не заслуживающими внимания, а к его мнению я склонна прислушиваться, – наконец выдала она.

– У тебя своей головы что ли нет?... Впрочем, мне покласть совершенно на твоё мнение...

– ...Положить...

– ...Просто не мешай мне, – я отгородился от реальности наушниками и перестал обращать на неё внимание, хотя меня и раздражало, что она бесцеремонно роется в моих вещах. Должно быть, так и не найдя искомый предмет, она разочарованно опустилась на диван рядом со мной заглянула в монитор. Так как вникнуть в происходящее без звука было проблематично, вскоре она вздохнула, как бы преодолевая себя, и попросила (уже без наглости, с удовольствием отметил я) один наушник. Я хотел отпустить какое-нибудь колкое замечание, но передумал. Только поставил одно условие:

– Молча, окей? Не вникнешь, значит не вникнешь. Я не собираюсь пересказывать тебе весь сюжет многосерийного аниме. Если понравится – посмотришь с начала самостоятельно, – Сэм смиренно кивнула, и действительно сидела тихо, так что я почти забыл о её существовании.

– Можешь убрать немного своё дурацкое покрывало? – через некоторое время попросила она, запутавшись в пончо, которое я купил на распродаже пару лет назад. Оно приглянулось мне из-за своей уютиности (теплоты и мягкости, если быть точным).

– Это пончо.

– Да наплевать, если честно. Распустил тут его на весь диван, как павлиний хвост!

– Оно уютное.

– Оно нелепое.

– Ну, Клинту Иствуду, например, пончо было очень даже к лицу.

– Кому?... – сонно спросила она. Я с ужасом прикинул ширину культурной пропасти.

– Как всё запущено! Завтра приходишь смотреть «За пригоршню долларов». А дальше – как пойдёт. Это даже не обсуждается.

– Хорошо, – миролюбиво согласилась Сэм. В утомлённом состоянии с ней даже можно иметь дело.

– Тебе спать не пора? Скоро полночь, – спохватился я.

– Подумаешь! Время ещё детское, – зевнув, царственно махнула рукой, словно освобождала рабов или давала добро на смертную казнь, – ещё пару серий посмотрим.

– Не такие уж и «дурацкие мультики», значит? – торжествующе уточнил я.

– Ладно, ладно. Моё суждение оказалось поспешным и необоснованным. Признаю свою неправоту, – (Ого, и такая опция существует!) – Ты, кстати, не видел зелёную шкатулку в форме пирамидки? Я за ней заходила.

– Косметичка? – съязвил я.

– Лещей давно не получал? Это кое-что поважнее... Возможно, когда-нибудь и посвящу тебя в эту великую тайну, но вряд ли.

– Очень надо, – пожал плечами я. Пожалуй, нет ничего удивительного в том, что Сэм ведёт себя так инфантильно. В школу она не ходит – отец нанимает ей репетиторов по всем предметам. Возможно, домашнее обучение – это не лучшая идея, но мнения Сэм никто не спрашивал. Я заметил, что несмотря на мятежный характер, она не смеет возражать своему отцу. А он имеет своё представление, чему она должна учиться, чем увлекаться, кем стать... Как будто пытается сделать её похожей на какой-то образец, на другого человека. Интересно, на кого?..

Я заметил, что Сэм уже уснула. Этого ещё не хватало! Я аккуратно убрал ноут и наушники, но даже это её не разбудило. По правде говоря, мне не хотелось её будить. Я прикрыл Сэм покрывалом. Её голова бессильно опустилась мне на плечо. Можно было бы даже обнять её в этот момент, многие интересные сцены в аниме начинались точно также, да вот только... Вот только она тут же проснётся и я увижу взгляд, полный отвращения и презрения. Возможно, получу леща. А может и нет... Я бы ещё долго спорил сам с собой по этому поводу, но тут откуда-то из-под дивана послышался призрачный голос:

– Леди Саманта?.. – я решил, что мне показалось.

– Вы здесь?.. – тааак... Это ещё что за?.. Мне стало слегка не по себе (БЕЗУМНО ИСПУ-АЛСЯ), я сполз на пол на подгибающихся ногах и дрожащей рукой приподнял край покрывала, свесившегося до пола. Внизу никого не было. По крайней мере, я никого не увидел.

– Сломалось, что ль? – недовольно пробурчал голос из-под дивана (С ТОГО СВЕТА).

«Просто телефон. На громкой связи. Или рация. Какой-то прибор, однозначно» – пытался я успокоить сам себя. Наконец мне удалось собрать всю имеющуюся смелость и засунуть руку в поддиванную темноту. Я в любой момент готов был выдернуть её оттуда и с визгом отскочить к противоположной стене комнаты, например, если кто-то вцепится в неё острыми кривыми зубами. Всё-таки я очень нервный, особенно в последнее время.

Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем я нашарил что-то твёрдое и угловатое. Оно валялось у самой стены. Я с удивлением извлёк что-то пирамидальное. По ощущениям – каменное.

– Доброе утро, или что там у вас!.. – голос доносился из пирамидки. Я попытался открыть её, но она, кажется, была цельная. Если это мобильник, то самый странный, который мне приходилось видеть.

– Ну з-дравствуй, коли не шутишь, – шёпотом ответил я.

– О, кто-то новенький! – голос был удивлён, – а где Миледи?

– Сэм? Она уже спит. У-у нас ночь.

– А ты кто, её дворецкий? – поинтересовался он. Меня позабавил этот вопрос.

– Скорее просто сожитель. Бедный родственник, так сказать, – тогда ко мне даже не пришло осознание, что голос говорит на непонятном языке, но я понимаю каждое слово.

– Меня зовут Кайтлехт.

– Эмм... Очень приятно. Я Курт. А можно спросить, что, собственно... – но спросить не получилось. Сэм выхватила коробочку, словно коршун, сопроводив это движение явно не подобающим дворянке ругательством и зубодробительной пощёчиной. Я даже тихонько

вскрикнул от неожиданности, а на глазах выступили слёзы. Всё ещё сидя на полу, я взглянул вверх. Сэм застыла, глядя на меня сверху вниз. Лицо, напоминающее лисью мордочку, которое даже казалось мне довольно милым несколько минут назад, теперь излучало то самое отвращение и презрение, которые я так боялся увидеть. Многие смотрели так на меня, мысленно смешивая с грязью за малейший косяк. Даже маман не скупилась на грубости и люли. Но чтобы так неожиданно и унижительно... Такого давно не бывало.

Закончив таращиться, Сэм презрительно фыркнула и, не соизволив добавить ни слова, вышла из комнаты, демонстративно хлопнув дверью.

«Истеричная сучка» – подумал я, потирая щёку и поудобнее устраиваясь под одеялом. Теперь выкрасть загадочную коробочку стало делом чести.

Глава 8. Где-то посреди замёрзшего Океана. Вельт, эра позднего льда, восемь лет назад

Путешествие шло неплохо. Это всё, что я мог сказать. Вот уже больше полутора месяцев пейзаж оставался всё таким же однообразным, и не происходило ничего из ряда вон выходящего. Я до сих пор не встретил ни единой живой души или хотя бы следов присутствия такой, что не могло не вызывать определённого беспокойства. Но я не поддавался панике. Ведь я делал всё что мог, а именно – придерживался определённого направления. Ведь никаких карт у меня, разумеется, не было.

Машина работала исправно, но уголь подходил к концу. Его запасов хватит ещё часов на пятьдесят непрерывной работы двигателя, а это около четырёх дней. Был ещё небольшой аварийный запас, но его я использую, только если придётся срочно убираться от какой-нибудь опасности или для обогрева. К счастью, погода обещала быть ветреной. Я, кстати, научился определять это, читая книгу Старика Улла. В ней оказалось много метеорологических и астрономических наблюдений, а так же описания химических опытов, физических измерений, математических расчётов... Чего там только не было. О чём-то Улл уже рассказывал мне, но большая часть информации была мне в новинку. В том числе я узнал возможную причину замерзания океана: небольшое отклонение планеты Вельт от её первоначальной орбиты. Мне потребовалось время, чтобы понять, что Старик называет именем «Вельт» наш мир. Из тех, кого я знал, никто кроме него, кажется, вообще не воспринимал наш мир как небесное тело, несущееся в космическом пространстве. Бедный, бедный Улл...

Хотя моё положение тоже было не завидным: возможно, если бы я повернул назад, мне удалось добраться до Коппергарта при благоприятном ветре, но еды оставалось максимум на неделю; если есть ровно столько, чтобы не умереть с голоду – на две-три. В глубине души мне даже нравилось такое безвыходное положение, потому что оно не оставляло место сомнениям.

...Доедая свою последнюю трапезу, я в третий раз перечитывал книгу, хотя непонятных мест уже не осталось. Мне просто хотелось почувствовать, будто Старик говорит со мной. «Я буду перечитывать её, пока не выучу наизусть, – решил я, – ведь возможно рано или поздно мне придётся сжечь её, чтобы согреться. Хотя имею ли я право сделать это, если ситуация будет совсем безнадёжной и я уже никому не смогу передать содержащиеся в ней сведения?... Пусть уж лучше остаётся лежать, пока кто-нибудь не найдёт её. А если никогда не найдёт?... Если некому найти?!» От этих мыслей стало совсем тоскливо.

Я уже несколько дней ловил попутный ветер, но сегодня с утра стоял мёртвый штиль. Аварийный запас угля таял с катастрофической скоростью, хотя я старался как можно меньше жечь его для обогрева, из-за чего сильно мёрз. Думаю, это из-за переохлаждения возобновилась чахотка. Иногда приступы кашля не давали заснуть.

Я услышал над головой вялые хлопки – ветер начал нехотя наполнять паруса. Я вскочил и скорректировал положение рулевого паруса, стараясь поймать каждое дуновение, но этого уже не требовалось – ветер крепчал. Я всмотрелся в темнеющий горизонт. Его вид вселил опасения, что надвигается буря. Я не знал, стоит ли пытаться двигаться перпендикулярно надвигающейся метели. Возможно, она всё равно меня догонит. Но необдуманно было бы и пытаться объехать её, так как я не знаю, насколько далёко тянется её фронт. Поэтому я принял решение продолжать двигаться на запад, то есть по диагонали. Если же выюга настигнет меня, останется лишь убрать паруса, спрятаться в кабину и уповать на крепость машины.

Ветер впал в неистовство, и я чувствовал себя словно крыса, которую метлой выгоняют из кухни. Мачта угрожающе затрещала, так что я снял парус, потому что иначе рисковал остаться вообще без средства передвижения. Небо потемнело, лёд слегка вибрировал, буря неслась на меня грязно-белой стеной, уходящей под облака и сливающейся с ними. Мне каза-

лось, что на меня несётся стадо гигантских беспощадных оглушительно ревущих чудовищ. И почему я не предвидел её появление?! Хотя, что я мог бы сделать.

Я снял полозья и затолкал их внутрь сухопутной лодки. Забрался сам, запер дверь. За окном было ничего не видно, кроме мечущихся в хаотичном танце снежных хлопьев. Стало совсем темно, но я не хотел тратить уголь, хотя и очень сильно замёрз. Я решил попытаться уснуть и закутался с головой в одеяло, но оно не могло заглушить нескончаемого воя и пугающего дребезжания обшивки. Она выдержит. Должна выдержать. Иначе всё было напрасно.

При первом толчке я вздрогнул. Но вскоре привык к тому, что ураган то и дело отрывал лодку ото льда. Меня лишь мутило от этого. В один ужасный миг он опрокинул машину набок, швырнув меня об стену. Затем поднял в воздух, с лязгом уронил, словно проверял на прочность и потом уже неустанно швырял и катал всё сильнее и сильнее. Я чувствовал себя словно в адской стиральной машине. Винты отлетали один за другим или ломались с жалобным металлическим звоном. Оторвался кусок наружной обшивки и шторм ворвался меж слоёв, наполнив кабину оглушительным рёвом. Я сильно ударился головой и уже ничего не соображал. Машина разваливалась. Крошечная жалкая рухлядь не могла соперничать с безумной неистовой стихией. Это и есть моё «что-то большее»?..

Я чувствовал пронизывающие порывы ветра, снег резал кожу на лице, словно бритвенное лезвие. Меня кружило в воздухе, в ревущей темноте, изредка мимо пролетали куски металла, совсем недавно бывшие частями моего плота. Я пытался сгруппироваться, боясь, что они разmozжат мне голову или проткнут насквозь. Но потом я даже перестал бояться, просто хотел, чтобы это поскорее закончилось, не важно, чем именно.

В момент очередного удара об лёд я почувствовал, что внезапно примёрз. Ветер рвал одежду, пытаясь оторвать меня ото льда, но я вмерзал всё глубже и глубже. Буря и океан боролись за меня, как два исполинских пса, не поделивших кусок мяса. Я и чувствовал себя скорее куском мяса, чем живым существом. Океан победил. Я думал, что сейчас задохнусь, но во льду образовалась киста, и теперь я лежал в этом пузыре, в безмолвном ледяном мраке. Океан сожрал меня, и теперь я у него в желудке. Внезапно рядом что-то шевельнулось. Точнее – кто-то. Наверняка одна из глубоководных слепых тварей со скользкой белёсой кожей, каких Старик Улл поставлял на рынок... Но почему-то мне припомнились в первую очередь не они, а двухголовый ящер, демон Древнего Мира. Не удалось мне ускользнуть от него. Так вот как ощущается смерть...

Глава 9. Гостиница Снежный Троль. Вельт, эра Позднего Льда

Я даже не сразу осознал, где нахожусь, когда проснулся: темно и тесно немного, зато тепло; накрыт толстым покрывалом. Ну конечно – я же всё ещё в карете этой барышни в чёрном прикиде. Я на ощупь отодвинул кожаную шторку маленького бокового окошка и в салон ворвался луч яростного полуденного света. Как мило с её стороны дать мне выспаться! Граф, закоренелый жаворонок, непременно растолкал бы ни свет ни заря. Я проморгался и оглядел погруженное в полумрак помещение: пустая кушетка, из-под которой смутно виднелся небольшой чемодан, да куча смятого тряпья на полу. Внезапно пледы и одеяла слегка зашевелились.

– Миледи?.. – неуверенно окликнул я. Да уж едва ли – с чего ей спать на полу, да и заметно было бы, даже с её-то габаритами. Зверушка какая-то, что ль? На всякий случай я сжал рукоять ножа, готовый выхватить его в любую секунду. Представьте себе моё удивление, когда край верхнего пледа откинулся, и из кучи вылезла обыкновенная тряпичная кукла. Ростом это чудо было бы мне чуть выше колена, одето было в почти настоящую одежду (тёмно-синие штаны и куцую курточку цвета хаки), и я мог бы принять её, точнее его, за маленького ребёнка, если бы смотрел издали. Двигался он вполне естественно, но чересчур пластично, словно у него не было костей (да и не было, конечно, Барсундук меня подери, – откуда у куклы кости!). Ноги обуты в ботинки, но не согнуты там, где положено быть стопе – будто копытца или что-то вроде того. На руках же не было пальцев, так что казалось, что он в варежках телесного цвета. Золотисто-каштановые волосы сделаны из пряжи, завязанной узелками, походили на кудряшки. Итшихи что, ещё и ведьма?!

Большие серые пуговицы, служившие кукле глазами недоверчиво уставились на меня, а рот, и без того узкий, так как представлял собой лишь тонкий чёрный шов, напряженно сжался. В первый момент его ручонка даже метнулась, к бедру – на поясе висели узкие ножны, выглядевшие вполне настоящими. Я подобной барсундучины никогда раньше не видел, так что напрягся не слабо. Можно сказать, перетрусил даже. Тут, к несказанному моему облегчению, подоспела миледи. Она распахнула дверь и проговорила, не тратя время на приветствия:

– Проснулся? За завтрак уже заплачено, как и за комнату – мы пробудем здесь некоторое время. Так что пошевеливайся. Вижу, с Урурупрехтом ты уже познакомился. Это мой слуга и телохранитель, как и ты. Верю, что вы поладите.

– Разумеется, миледи.

– Просто Итшихи. Можешь даже сократить.

Вот это дружелюбие! Неужто такая особа меня за равного держит? Я последовал было за ней к дверям гостиницы, во дворе которой мы и остановились. Не тут-то было!

– Мне что, самостоятельно донести чемодан, поставить карету под навес и накормить коня? Может, себе же и заплатить жалование? – язвительно бросила она, даже не оборачиваясь. Ха-ха – показалось.

Я отнёс её чемодан наверх, в номер, и был весьма удивлён, узнав, что ночевать предстоит в одной комнате с Итшихи. Отвёз карету под навес и приковал к столбу специальной цепью, спрятав ключ во внутренний карман. Затем насыпал коню лучшего овса, но когда хотел снять с его спины непонятно как держащиеся на ней сложенные кожаные попоны и почистить его, он не позволил к себе прикоснуться. «Как хочешь» – пожал плечами я и отправился в таверну на первом этаже, собираясь разыскать Итшихи и позавтракать, так как неслабо проголодался.

Первый этаж гостиницы почти целиком занимала таверна. В просторном зале былолюдно и, следовательно, шумно. Я протолкался к барной стойке, где и разыскал Итшихи. Она, должно быть, уже позавтракала и теперь стояла, облокотившись на высокую стойку, и задум-

чиво пила виски из внушительного гранёного стакана. Я с удивлением отметил, что бухает леди очень даже по мужски, но взгляд остается ясным, как прозрачное зимнее утро.

– Квасишь днём? – удивлённо спросил я, не подумав даже, а не прозвучит ли этот вопрос слишком фамильярно. Но она лишь пожала плечами, как бы подразумевая под этим: «а почему бы и нет?». Я взял рагу из мяса и грибов, уже поджидающее меня в миске на стойке и успевшее слегка подостыть, пока я там возился, а так же потребовал кружку эля (всё-таки денюжат мне хватало с лихвой). Внезапно из дальнего конца зала, где находилась небольшая сцена, донеслось какое-то шевеление. Я вытянул шею и поверх голов других посетителей увидел труппу бродячих артистов, подготавливающих представление. Вскоре трио в пёстрых трико село за инструменты и тут же по таверне разлилась легкомысленная мелодия. Все сначала притихли, но затем загудели ещё громче, пытаясь расслышать друг друга. Для разогрева выступила пара жонглёров, а затем вышел разодетый в пух и прах клоун и начал выкрикивать какие-то плоские остроуты, вызывая идиотский хохот толпы. Итшихи презрительно фыркнула (едва заметно – просто выдохнула чуть резче, чем обычно), залпом допила свой виски и удалилась наверх, в комнату.

Я тоже хотел было уйти, но тут незадачливого комика сменила гимнастка. Я нашёл её просто очаровательной: довольно высокая для девушки, но гибкая и изящная, густые длинные волосы шоколадного оттенка собраны в узел на затылке, кожа покрыта природным золотисто-карамельным загаром, а не цвета брюшка селедки, как у большинства в этом гигантском морозильнике. Я предположил, что у неё немного кошачье лицо и янтарно-карие глаза, но не мог разглядеть этого с такого расстояния, так что обещал себе узнать это, как только представление закончится. Она выступала с обручем, лентами и просто так, но сразу после окончания номера куда-то ускользнула, и я так расстроился, что даже не остался смотреть выступление фокусника, а сразу поднялся в номер. Итшихи приказала мне никуда не отлучаться из гостиницы, так что мне оставалось лишь надеяться, что труппа выступит снова вечером.

Эта надежда не оправдалась, но случилось кое-что другое. Когда вечером мы спустились на ужин, проспав практически весь день, и Итшихи уплетала свинбаранину в баснословных количествах, в заднюю дверь таверны проскользнула та самая циркачка и попыталась добраться до главного входа и улизнуть через него. «Кто-то её преследует», – подумал я, и мои опасения тут же подтвердились: задняя дверь с грохотом распахнулась, впустив в зал вой ветра, несколько пригоршней снега, какого-то громилу (я узнал в нём циркового силача) и дородного лысеющего мужика, должно быть, организатора труппы. «ВОРОВКА!» – фальцетом заорал он, брызгая слюной, и наставил на девушку жирный палец в белой перчатке. Она бросилась было к выходу, но кто-то из посетителей загородил собой дверь. Огромный силач угрожающе надвигался на девушку, молча сжимая кулаки. На его лице ещё сохранилась часть белого грима (не успел смыть, когда бросился в погоню), и было похоже, что сквозь скулу проглядывает кость черепа. Гимнастка испуганно оглядела толпу, но посетители расступились, образовав пустой круг – их ждало интересное представление.

Я быстро взглянул на Итшихи, она решительно кинула.

– Вытащи её отсюда, я с ними разберусь! – крикнул я. она подскочила к девушке, с неожиданной лёгкостью подхватила её на руки и выскочила в окно, разбив стекло. «Всё-таки это парень» – ошарашено подумал я, бросив стулом в этого амбала силача, который хотел было броситься за ними. Ко мне подскочил распорядитель и вцепился в ворот рубашки, яростно что-то вопя. Я не задумываясь врезал по его паршивому хлебалу, и он с визгом схватился за нос. Между толстыми пальцами незамедлительно проступила кровь, пропитывая щегольские перчатки. Силач подскочил ко мне и сломал бы ножку стула об мою голову, если бы я не успел рукой блокировать удар. Резкая боль в предплечье не дала мне ударить его, так что я просто боднул громилу в солнечное сплетение. Он был настолько высок, что мне почти не при-

шлось наклоняться, наверное, среди его предков были тролли. Он глухо охнул и попятился, молотя воздух бронебойными кулачищами. Разумеется, кто-то из постояльцев попал под горячую руку, да ещё и подоспел ещё кое-кто из злополучной цирковой труппы, и началась полная неразбериха. Я отвешивал люли направо и налево, пробиваясь к выходу, едва увернулся от просвистевшей в воздухе бутылки, перепрыгнул через опрокинутый стол, пнул коленом в живот придурка, заслонившего дверь, и наконец-то свалил.

На том веселье и закончилось – хозяин гостиницы не разобрался ещё, кто устроил драку, да и были у него дела поважнее, чем преследовать нашу компашку. Но когда он разберётся, откуда ноги растут, нам лучше быть подальше отсюда. К счастью накануне я передал Итшихи ключ от цепи, так что он уже выехал на дорогу – тоже понял, что с этим райским уголком пора прощаться. Я прыгнул на подножку кареты и в последний раз оглянулся: в окнах первого этажа плясали тени, разбитых окон прибавилось. болтающуюся над дверью вывеску «Гостиница „снежный тролль“» яростно трепал ветер. Да уж – троллей хватало.

Выехав из посёлка, где находилась гостиница, мы остановились, зашторив окна, чтобы не видно было света, горящего в салоне.

– Чего ждём? – не сообразил я.

– Рупа с моим чемоданом, – ответил Итшихи. Он вальяжно положил ногу на ногу, закинул руки за голову, прикрыл глаза. Я в который раз удивился, что сумел принять его за девушку.

– Простите, что причинила вам неудобства, – несмело подала голос спасённая от расправы девушка. Её глаза оказались цвета крепко заваренного чая, – позвольте вас отблагодарить... – она достала из складок своего платья нитку жемчужных бус.

– Понятно теперь, почему эти ребята погнались за тобой, – усмехнулся Итшихи. Она скромно пожала плечами, – оставь себе. Если хочешь работать на меня, считай это своим первым жалованием. Мне нравятся красивые ловкие барышни вроде тебя, – подобную манеру речи я за ним заметил впервые. Девушка согласилась наняться к нему. Он тоже предложил называть себя просто Итшихи, или даже просто Ит, безо всяких церемоний. В ответ на это девушка сообщила, что её имя – Мурхильда, но можно просто Хильда или Мур.

Послышался тихий стук в дверцу кареты. Итшихи вскочил с кушетки и выскользнул на улицу, бросив на ходу, что посидит с Урурупрехтом на месте кучера на свежем воздухе.

– С кем? – удивилась гимнастка.

– Это тоже вроде его слуги. Живая тряпичная кукла. Он, кажется, приколовывает помаленьку.

– Ого, ещё и маг... – задумчиво протянула она, – кстати, такой бестактный вопрос, но это точно «он»?

– Я и сам не до конца уверен, – ответил я, – лорд он или леди. Но хотя бы со мной таких проблем не возникнет, верно? – она улыбнулась. Действительно было в её жестах что-то кошачье, – меня зовут Кайтлехт. Хотя, раз уж мы все здесь все на «ты» – просто Кайт.

Вскоре Итшихи вернулся в карету. В его густых чёрных как тушь ресницах застряли снежинки. Он повесил свой подбитый мехом плащ на ручку дверцы, задумчиво оглядел нас, выразил недовольство по поводу потерянных денег, которыми было заплачено за ночлег, и предложил устраиваться спать. Это оказалось проблематично: карета была достаточно просторна и для шестерых, но только если им не вздумается вдруг разлечься. Поскольку один из моих попутчиков был лордом, а вторая женщиной, а кушетки всего две – не трудно было догадаться, кому придётся ночевать на полу. Но я не жаловался, пледов и одеял предостаточно.

Глава 10. Комната Сэм и другие помещения особняка, а так же его окрестности. Земля, наши дни

Вернувшись в свою комнату, я обнаружил приколотую к двери записку, гласившую: «пора нам прекратить общаться. Давно хотела Вам признаться: во тьме ночной, при свете дня, Вы адски бесите меня». Не очень-то и хотелось – подумал я. Не я начал этот срач, не мне его и заканчивать. Я с самого начала понял, что она не вполне адекватна, хотя начиналось всё неплохо.

Я вспомнил, как однажды она в своей раздражающей манере ворвалась ко мне в комнату и безапелляционно заявила:

– Ты сегодня идёшь со мной кататься на роликах.

– У меня нет роликов, – сонно ответил я (в ту ночь забыл о времени и лёг только под утро).

– Мы одолжим роликовые коньки моего отца, – снова она перешла на этот высокопарный слог, – их можно регулировать по размеру, и они ему всё равно не нужны. Он никогда со мной не катается.

– Едь одна, – буркнул я. Я бы и без неё нашел, чем себя занять, – ты же у нас самодостаточная и независимая личность.

– Во-первых – «поезжай», а во-вторых – одной мне надоело.

– Ну, погуляй с тем куном, с которым ты обсуждала разрыв пространственно-временного континуума, – я вдруг вспомнил, как стал свидетелем её сумбурного диалога ещё в день своего приезда. Она помолчала несколько секунд, явно не понимая о чём я.

– Ах, вот ты о чём. Но это же просто шутка. Я не с кем не говорила. Я просто иногда так развлекаюсь, разыгрывая всех, кто готов верить в эту дичь.

– Делать что ль больше нечего?

– Пошли кататься!

– Да что ты пристала ко мне! – разозлился я, – я даже не умею!

– Вот в чём дело... – разочарованно вздохнула она. Я уж было понадеялся, что она отстанет. Не тут-то было! – Это несложно. Я тебя научу.

В конце концов, меня всё же смыло на улицу волной её энтузиазма. Поначалу я чувствовал себя довольно глупо. Если бы не защита на запястьях, локтях и коленях, я бы к тому же изрядно ободрался, оставив кровавые следы на свежем чёрном асфальте приусадебных дорожек, потому что количество падений исчислялось десятками. Моё тело словно восстало против меня, ни в какую не желая двигаться в нужном направлении или хотя бы держаться вертикально. Однако Сэм оказалась на удивление терпеливым учителем. Только сперва она лихо и нетерпеливо ездил вокруг меня, давая бестолковые советы. Затем убрала свои ролики в спортивную сумку и взялась за дело всерьёз.

Через пару часов у меня стало неплохо получаться, и мы поехали в сторону длинного пологого спуска, берущего своё начало у ворот усадьбы и ведущего к старой пригородной дороге, по которой, по словам Сэм, уже почти никто не ездит. Сэм рассказывала мне о других видах спорта, занятиях и хобби, которыми она начинала увлекаться, но затем забрасывала. У меня сложилось впечатление, что она ничего не может довести до конца. Она пояснила, что в основном это её отец пытался сделать её разносторонне одарённой, какой когда-то была её покойная маман. В итоге ей это наскучило и, после долгих скандалов, она бросила большинство дополнительных занятий и с чистой совестью забыла почти всё, за исключением катания на роликовых коньках и ещё пары мелочей. Я же, в свою очередь рассказал, как поступил несколько лет назад по настоянию маман в одну сильную экономическую школу, но продер-

жался там всего год, после чего с треском вылетел. На это она только пренебрежительно хмыкнула.

Я заметил, что наклон этого спуска весьма обманчив – в середине пути я по инерции набрал приличную скорость, и приходилось то и дело притормаживать. Но Сэм это, похоже, не волновало: она пронеслась мимо меня на сверхзвуковой скорости и вылетела на проезжую часть, не вписавшись в крутой поворот. Кое в чём она ошиблась – по дороге всё же кто-то ездил. Послышались гневные гудки, и на несколько секунд её мелкая проворная фигурка скрылась за кузовом небольшого грузовика. У меня невольно вырвался невнятный вскрик. Мысленный взор уже нарисовал её изуродованный труп.

Через мгновение я увидел Сэм, сидящую на противоположной стороне дороги прямо на тротуаре. Я осознал, что тоже сижу на земле, после того как упал, потеряв равновесие. С трудом поднявшись, я словно во сне доехал до ближайшего перехода и добрался до неё. Долбанутая (к счастью, только в переносном смысле) по-прежнему сидела на асфальте и истерично смеялась.

– Совсем тупая? – упавшим голосом спросил я.

– Я просто не умею тормозить, – ответила она, взглянув на меня обалдевшим мутным взглядом, – да ладно, я была почти уверена, что проскочу! Процентом на сорок...

И снова этот тупой смех. Мне захотелось ей врезать.

– Погашенная ты об стену! Чтоб я ещё хоть раз куда-нибудь с тобой поехал – да никогда в жизни! – проворчал я, переобуваясь. Несколько минут мы молчали. Я подумал, что она тоже сильно перепугалась. Вот и отлично. Не будет в следующий раз...

– Пошли к морю, что ль? – почти жалобно спросила она. Я безразлично пожал плечами, хотя внутренне обрадовался. Мы вернулись на территорию особняка и уже через двадцать минут добрались до моря.

– Оно почти всегда холодное, только в середине лета и можно купаться несколько дней. Совсем не курортное. Зато есть пещеры и скалы смотри какие красивые, – трещала Сэм, – как-нибудь можем полазить по пещерам!

– Эмм... Нет, спасибо. Там наверняка полно всяких тварей.

– Каких, например?

– Ну, насекомых там, пауков. Терпеть их не могу.

Скалы оказались действительно зачётные. Их грубые первобытные откосы были цвета поверхности Марса, какой её изображают в научно-фантастических фильмах. Иногда попадались светлые прожилки, и скалы становились похожи на громадные куски сырого мяса. Этот суровый безжизненный пейзаж будоражил воображение. На конце далеко вдающегося в море мыса, который разграничивал две соседние бухты, возвышался старый давно не работающий маяк. Его потрескавшаяся кладка из больших красных кирпичей, казалось, росла прямо из скалы.

– Хочешь посмотреть маяк! – воскликнула Сэм и, как я понял, это был даже не вопрос. Она вприпрыжку побежала по неровной разбитой тропе, протянувшейся по хребту мыса, легко преодолевая перегородившие её в некоторых местах глыбы. Я едва поспевал за ней.

Маяк оказался в совсем запущенном состоянии: межэтажные перекрытия обвалились, оставив лишь редкие брёвна, торчащие кое-где из каменных стен как гнилые почерневшие зубы. По сути это был только внешний скелет маяка, словно раковина моллюска или панцирь краба. Но Сэм всё равно взобралась на него – настолько высоко, насколько вообще возможно – несмотря на разбитые коленки и ободранные пальцы. Она выглядела максимально довольной. Я, как ни странно, тоже не был разочарован прогулкой. Сэм попыталась приобщить меня к своему миру, пусть и такими эксцентричными способами. Она и вправду *не умеет тормозить*...

Я всё ещё стоял у дверей, задумчиво сжимая в руках записку, когда спиной почувствовал её присутствие.

- И что это за хрень? – устало спросил я.
- Эпиграмма, – победоносно заявила она.
- Какая, на хрен, эпиграмма?! – это было настолько глупо, что даже не смешно.
- Прошу, не разводите драму. Поймите, оскорбления в прозе разят не глубже чем занозы.

Они присуи лишь задротам, как Вы, плебеям, идиотам, что так убоги и скучны.

Я был сбит с толку, но всего на несколько секунд. Так значит, это война. Ну, хорошо же!

– Как низко с Вашей стороны! – зарифмовал я, – и столь же плоско... Прямо как Вы!

– Всё. Не сносить Вам головы! – запальчиво ответила она. Я не знаю, почему мы внезапно перешли на «Вы», и долго ли будет продолжаться эта импровизированная пьеса, но отказываться от словесной дуэли было уже поздно. Как раз в это время горничная бальзаковского возраста сообщила нам, что ужин уже подан. Озадаченно оглядев нас обоих, она спросила, всё ли у нас в порядке, и как прошёл наш день.

– Приятных впечатлений бездна. Убейтесь, будьте так любезны, – выпалила Сэм, обращаясь скорее ко мне. Так мы и спустились в столовую, продолжая пререкаться. Иногда ответ рождался сам собой, но чаще его приходилось сочинять по несколько минут, так что диалог шёл с задержками, во время которых мы успевали даже немного поесть, не переставая, впрочем, сверлить друг друга яростным взглядом.

– Какая гневная тирада! Сарказм порой не лучше яда, – театрально вздохнул я.

– Вам за мудачество награда.

– Весьма обидно.

– Как я рада! Я... – она напряженно задумалась, и я поспешил воспользоваться этим:

– Ну же, завершите строчку! Нельзя же здесь поставить точку, обречь её на увяданье, как все другие начинанья.

– Уж лучше не закончить что-то, чем быть...

– Изнеженной свинотой?

– ...Чем быть бездейственной амёбой, с позором выгнанной с учёбы!

Мы явно задели друг друга за живое данными необдуманными выпадами. Бедный господин Бертольд недоумённо переводил взгляд с меня на Сэм и обратно.

– Сестрёнка, Вы...

– Братишка, ВЫ...

– Мне жаль, что я Ваш брат!

– Увы! И мне не льстит родство с плебеем. Я от презренья цепенею, слышав только глосс Ваш! Пойду, пожалуй... – Сэм вскочила из-за стола, бросив недоеденный ужин, и решительно направилась прочь из обеденной залы.

– Бон вояж! – бросил я ей вслед. Мой голос растворился в раскатилом хлопке двери. Затем я, как ни в чём не бывало, доел и тоже ушёл, оставив Бертольда в одиночестве. Ему оставалось только недовольно хмурить брови и гадать, как и почему он попал в эту жалкую пародию на шекспировскую пьесу. Немая сцена. Занавес.

Пока Девочка Без Тормозов отлучилась на вечернюю прогулку, чтобы немного остыть, я пробрался в её комнату в поисках загадочного тетраэдрического передатчика. Я бы никогда не нашёл его, если бы он сам не подал голос. Я наклонился, приподнял край ковра и обнаружил часть доски, выпирающую на пару миллиметров. Голос звучал едва слышно и очень глухо, но явно оттуда. Я с трудом выцарапал доску и мне открылся небольшой тайник. Я достал шка-тулку, не больше спичечного коробка, сдвинул доску на место и хотел было поправить ковёр, но тут снова раздался голос. Я заметил, что он отличается от того, что я слышал накануне. Более высокий, но будто слегка простуженный. Я даже не понял, принадлежит он парню или девушке.

– Кто-нибудь слышит меня? – требовательно повторил он.

– Д-да... – почему-то от этого голоса становилось не по себе.

– Постарайся ответить на один простой вопрос. Как называется этот мир?

– Чегось?..

– Проклятье! – человек с той стороны, похоже, терял терпение, – планета, на которой ты живёшь, как она называется?!

– 3-Земля, – я всегда начинаю слегка заикаться, когда волнуюсь.

– У вас всегда лёд?

– Нет. Только зимой. Хотя, смотря где. А где-то вообще не бывает... – я постарался ответить как можно более точно и развёрнуто на столь неожиданный вопрос, но голос прервал меня:

– Всё ясно, – послышалось короткое шуршание, словно устройство передали из рук в руки, затем они ещё что-то говорили, кажется, к ним даже присоединился третий голос – женский. Но я не мог быть уверен в этом, потому что из коридора раздались лёгкие шаги. Я понял, что убежать уже не успею, так что сунул пирамидку в карман пончо и в панике нырнул в пафосный платяной шкаф. Там висела куча рубашек, футболок, толстовок, были даже блузки, юбки и платья, хотя я даже представить не мог Сэм в одном из них.

Затаив дыхание, я вслушивался в возню, доносившуюся снаружи. Вначале я ещё надеялся, что это всего лишь горничная зашла прибраться, но это однозначно была Сэм – слишком уж по-хозяйски непринуждённо звучали её действия. Только бы она ушла! Но что, если она ляжет спать? Смогу ли я незаметно улизнуть, или мне придётся прятаться здесь всю ночь?! От этой мысли мне поплохело.

Через некоторое время она собралась ложиться спать. К тому времени прошло, наверное, часа два, и мне порядком надоело прятаться в неудобной позе: я лежал на полу шкафа, на спине, так что одежда свисала мне на лицо. К счастью, сбоку была прибита перегородка, высотой как раз со стенку гроба, так что даже при открытых дверцах меня можно было увидеть только сверху, если раздвинуть многочисленные шмотки. Оставалось надеяться, что Сэм не придёт в голову взглянуть вниз.

Дверца со стороны моей головы распахнулась, и я зажмурился, а когда открыл глаза, увидел бледный плоский животик Сэм – она была одета только в нижнее бельё и тянулась к верхней полке за пижамой. Несмотря на весь ужас своего положения, я машинально отметил, что она не совсем уж фанерка, а затем подавил мечтательный вздох умиления. Мне вдруг отчаянно захотелось протянуть руку и погладить её по животу, так как это один из самых сокровенных моих фетишей, или что-то вроде того – называйте как хотите. Но это было бы равноценно самоубийству, всё равно что почесать нёбо пиранье.

Дверца захлопнулась, и я почти вздохнул с облегчением, но через несколько мгновений раздался голос Сэм, спокойный, но подозрительно звонкий, словно полный затаённой ярости.

– Вылезай уже. Ты совсем кретин, если думал, что я тебя не замечу.

Я несмело вылез из шкафа. Я чувствовал себя полным идиотом и готов был провалиться сквозь землю.

– Ну, давай. Скажи что-нибудь в своё оправдание, – говорила она отрывисто, почти не глядя на меня.

– Это с-совсем не то, о чём ты подумала... Я хотел посмотреть...

– Ясно, понятно.

– ...Посмотреть ещё раз на тот странный передатчик.

Она задумалась на мгновение. Лицо немного смягчилось.

– И как, нашёл его?

– Нет.

Взгляд девушки инстинктивно метнулся вниз, к краю ковра. Краю, поправить который я так и не успел.

– М***к, ты спёр его!!! С***дил мой волшебный передатчик!!! Вот урод!!! – зарычала она, бросившись на меня, – УБЛЮДОК, ТЫ УКРАЛ МОЕГО ДРУГА!

От неожиданности я не удержался на ногах и упал навзничь, к счастью, пушистый ковёр смягчил моё падение. Сэм всё ещё кричала на меня и пыталась задушить, она явно разозлилась не на шутку. «Совсем неадекватная, – подумал я, – она ж меня убьёт!».

Маман не раз говорила мне, что девочек бить нельзя. Но никто не запрещал обездвигивать их в целях самообороны, тем более, если они агрессивные истерички. Ярость прибавила ей сил, но я был гораздо тяжелее, так что после долгой борьбы мне всё же удалось оказаться сверху и придавить её к полу. Она отчаянно пиналась и отвечивала мне оплеухи, но, в конце концов, я и руки её к полу прижал.

И именно в этот самый момент из коридора раздался встревоженный голос Бертольда: «Сэмми, с тобой всё хорошо?!», дверь распахнулась, и почтенный джентльмен шагнул в комнату.

Воцарилось оглушительное молчание.

Быстрее всех опомнилась Сэм. Она весьма реалистично скривилась, будто сейчас заплачет и воскликнула:

– Папа, Курт пристаёт ко мне! Он до меня домогался!

Я был настолько ошеломлён, что не мог даже пошевелиться.

– Отойди от моей дочери, немедленно, – холодно сказал Бертольд. То же леденящее кровь спокойствие, в глубине которого спрятана ярость, словно лезвие в чупа-чупсе. Я медленно слез с Сэм, встал и попятился. Конечности не слушались меня, словно в кошмарном сне. Девочка Без Тормозов вскочила, бросилась к нему и порывисто прижалась, глядя на меня исподлобья. За натуралистичные всхлипывания ей можно было вручить «Оскар».

– Теперь я бы хотел выслушать твою версию произошедшего, Курт.

«Я нашёл устройство связи, соединённое с другой планетой, но Сэм не дала мне его посмотреть, потому что считала человека из другого мира своим другом. Мне было любопытно, и ещё я обиделся, что она ударила меня, так что я решил выкрасть его. Я нашёл тайник Сэм, как вдруг она вернулась, и я решил спрятаться в шкафу. Когда всё раскрылось, мы подрались», – именно так прозвучал бы правдивый ответ. Поэтому я промолчал. Тем более я всё равно не смог бы вымолвить ни слова – челюсти словно свело судорогой от стыда.

– Иди пока в гостиную или библиотеку, Сэмми. Не бойся – завтра он уедет отсюда.

Сэм выскочила из комнаты. Я и вправду слышал издевательский смешок, или мне показалось?.. Бертольд подошёл ко мне. Мне казалось, что он выше меня на добрых пол метра.

– Ты подонок, ты знал об этом, Курт Марш? – спросил он всё с тем же ошпаривающим бесстрашием, – завтра ты уберёшься из моего дома. Навсегда, – за этими словами последовал мощный удар в скулу. Кулаком, а не открытой ладонью, разумеется. Должно быть, в молодости этот джентльмен занимался какой-то борьбой, потому что бить он умел. Черепная коробка словно взорвалась от боли, и я упал, как подкошенный, временно ослепнув и задыхаясь. Я боялся, что он ударит меня ещё, но он стремительно покинул комнату, на удивление тихо прикрыв тяжёлую дверь.

Вот и сказочке конец. Как только смогу встать – поплетусь паковать вещички. А пока мне остаётся лишь корчиться на полу, плача от боли и бессильной обиды.

Глава 11. Неподалёку от Штимгарта. Вельт, Эра Позднего льда, 8 лет назад

Я очнулся в кромешном мраке. Было не то чтобы очень тепло, но вполне сносно. Я коснулся рукой стены, провёл до того места, где она плавно переходила в пол (должно быть, помещение было шарообразным и совсем небольшим). «Какой скользкий, влажный, холодный камень... – вяло подумал я, и тут же поправил себя – нет, не камень – это лёд. Я во льду. Но как я здесь оказался? Я ещё жив?..»

Мои мысли были прерваны прекрасным голосом, переливчатым и прохладным, подобно волнам древнего океана. Таким голосом, наверное, очень хорошо петь. Если он и принадлежит демону, то вряд ли очень злому...

– Ты меня вообще слышишь, сухопутный юноша? Не слишком любезно буран обошёлся с тобою, ударил тебя об лёд не раз и не два и совсем разломал твою чуднУю машину. Я подо-спела как раз вовремя.

– Вовремя для чего?

– Чтобы спасти твою жизнь, – пояснил голос. Возможно, у меня и правда всё затуманилось в мыслях, или просто ледяная комната усиливала эхо. Голос принадлежал молодой девушке, хотя и говорила она как-то вычурно.

– Ты кто? – спросил я.

– Я ждала этого вопроса, сын суши. Я Сирена, Повелительница Штормов, Приливов и Отливов, Королева Рыб, Моллюсков, Членистоногих и Прочих Обитателей Моря, Неприка-янная Бессмертная Странница, Любимица Океана, Наследница Древнего Мира, Дочь Самой Могущественной Русалки и Легендарного Командора Пиратов, Чьи Имена Наводят Ужас На Крыс Сухопутных.

– Я состарюсь, пока выучу это, – уныло усмехнулся я.

– Хорошо, просто Рена, – нехотя уступила она.

– А я Куб.

– В честь стереометрической фигуры?

– Нет, сокращенно от Куберта. Моих родителей зовут Кутара и Бертемон и они не при-думали ничего лучшего, чем сложить части своих имён.

– Почему тогда они не назвали тебя «Беркут»?

– Так назвали моего младшего брата. У нас такое сплошь и рядом.

– Весьма занимательные традиции существуют на твоей родине. Не поведаешь ли, откуда ты родом?

– Остров Коппергарт.

– Это тот крошечный остров, что лежит за пределами Меерландской Империи, но столь же далёк и от земель Кукумбалы?

– Что?! О чём ты вообще? – я начал подозревать, что моя новая знакомая сумасшед-шая. Может она вообще всего лишь галлюцинация, созданная моим сотрясённым замерзаю-щим мозгом?

– Полудикие племена, поклоняющиеся великой рыбе Кукумбале. Им принадлежат обширные территории далеко на востоке. Для тебя это откровение?

– В точку. Я вообще никогда раньше не покидал пределы Коппергарта, – мне стало даже неловко за моё невежество.

– Невероятно! – воскликнула Рена, – и весьма прискорбно притом. Тогда я понимаю, почему ты отправился в столь опасный путь.

– Далеко ли отсюда до цивилизации? – спросил я.

– Ближайший населённый пункт лежит от нас в трёх днях неспешного пешего пути, на юге. Город Штимгарт.

– Штимгарт... – медленно повторил я, смакуя незнакомое слово. Название населённого пункта. Возможно, очень большого. Другого города!

– Чувствую, тебе не терпится отправиться туда, я права?

– Да! – воскликнул я.

– Мы сможем сделать это, как только уймётся метель. Пока могу заняться твоими ранами.

– Ранами?.. – я только сейчас обратил внимание, на то, что всё тело ныло.

– Твоя голова чрезвычайно ушиблена в районе виска, а связки левой руки неподобающе растянуты. Я смогу это подысправить, но всё же рекомендую тебе хорошенько выспаться, чтобы остальные вопросы обсудить уже при свете дня и в здравом смысле.

– То есть, на свежую голову?

– Именно так, – мне ничего не оставалось, кроме того как позволить этой странной женщине, которую я даже не вижу, «подысправить» мои травмы. Тем более, если верить её словам, я до сих пор жив только благодаря её своевременному вмешательству. Я расслабился и закрыл глаза. Через секунду тёплые пальцы прикоснулись к моей голове, и прохладная вода полилась откуда-то сверху и словно сама смыла кровь. Затем я почувствовал резкий лютый холод, и кожа в районе раны мгновенно онемела. Я даже испугался сначала, но потом решил, что это какое-то обезболивающее. Затем девушка перевязала рану. Всё то же самое повторилось и с рукой. Я видел фосфорическое свечение странных символов, нарисованных на её коже, и чувствовал лёгкий аромат солёных морских волн, исходящий от её волос и дыхания. Не знаю, откуда я узнал это, просто мне кажется, что именно так пахнет Океан из древних легенд. Она непрерывно бормотала какие-то заклинания на неизвестном напевном наречии, напоминающем шум прибоя. Снова этот морской голос. В нём отчётливо слышалась магия.

– Просыпайся, буря уже миновала! – позвала Сирена. Я услышал хруст льда и различил слабый свет, льющийся с потолка. Крыша нашего убежища всё истончалась и истончалась, пока не растаяла полностью, а пол прямо под ногами начал подниматься. Я впервые увидел свою спасительницу. Её лицо было сосредоточено, а руки выделяли в воздухе какие-то магические пассы. В итоге мы оказались на ровной ледяной поверхности.

– Ты колдунья?! – изумился я.

– А как же! И что ты нашёл в этом столь удивительного? На Коппергарте магия не в ходу?

– Нет. Как-то обходимся без неё. Я вообще думал, что это всё сказки.

– Ах, вот значит как! – она была удивлена не меньше моего. На вид Сирена, Повелительница Штормов, оказалась почти обыкновенным человеком. Волнистые, тёмно-русые волосы спадали почти до пояса и слегка отливали зеленым, неестественно бледную кожу лица и запястий украшали татуировки в виде неведомых рун, которые, очевидно, и светились в темноте. Она была одета довольно легко: узкие потёртые штаны, лёгкие невысокие сапоги из рыбьей кожи, походное пальто и длинный вязаный шарф. За спиной висел выдавший виды рюкзак.

Я огляделся, шурясь от яркого солнца. Тут и там валялись обломки моей машины, ледяная равнина по-прежнему со всех сторон подпирала горизонт.

– А что ты вообще здесь делаешь? В смысле, вдали от цивилизации? – поинтересовался я.

– Путешествую, – просто ответила Рена, а затем добавила: – собираю интересные сведения обо всём, что встречаю на пути. Знания всегда полезны. К тому же весьма приятны в обладании.

Я вспомнил о книге Улла и приуныл. Взгляд невольно стал шарить по льду, пытаюсь отыскать хотя бы страницу.

– Кстати, о знаниях...

– Ты, как я поняла, тоже знаешь им цену, – она пошарила в рюкзаке и с улыбкой протянула мне книгу, целую и невредимую, – ты вцепился в неё мёртвой хваткой, пока ураган мотал тебя как неприкаянную чайку. Мне мало что понятно там. Возможно всё же местечковое коп-пергартское колдовство?

– Неа. Это наука! – гордо ответил я, любовно поглаживая истрепленный переплёт. У меня в тот момент даже родилась мысль продолжить дело Улла и написать второй том энциклопедии.

Продолжая болтать, мы отправились на юг. Лодка уже не подлежала восстановлению, поэтому пришлось тащиться пешком, впрочем, я был не против. Вдруг Рена как-то удивлённо посмотрела на меня и спросила:

– Это сзади у тебя хвост? Настоящий?

– Ну да, не игрушечный же, – ответил я. И что её так удивило? Хвост как хвост, такой же как и у всех. Тут только я заметил, что у Рены хвоста нет.

– И они есть у всех на Коппергарте?

– Конечно, – не задумываясь ответил я. Для меня хвост был такой же естественной частью тела как руки и ноги.

– Вероятно, эффект основателя. Затем повлияла длительная изоляция и инбридинг, – глубокомысленно рассудила она. Для меня стало сюрпризом, что ей известны эти специальные биологические термины. Но потом заинтересовало другое:

– Я думал, у русалок есть хвосты. Вместо ног.

– Любая уважающая себя русалка с малых лет умеет превращать свой хвост в ноги и обратно. Сейчас, как ты легко мог догадаться, иметь ноги гораздо сподручнее. Хотя точнее будет сказать «сподножнее», верно?

Я от души посмеялся над незамысловатой шуткой и, раз хвостовой вопрос был решён, я решил поговорить о более насущных проблемах, а именно: вежливо спросил, не найдётся ли у неё чего-нибудь поесть. Она извинилась, что сама не предложила подкрепиться, хотя и знала, что я не ел несколько суток, и стала рыться в своём рюкзаке. Там ничего не нашлось. Я выразил удивление, как можно отправляться в путешествие, не рассчитав количество провианта, но она рассмеялась мне в лицо.

– Смотри внимательно, хвостатый сухопутный парниша! – она пристально уставилась на лёд прямо перед собой, забормотала какие-то неразборчивые слова и стала медленно вращать левой рукой, словно помешивала пальцем воду в стакане. Я не поверил своим глазам. На льду сама собой образовалась лунка, а затем стала всё углубляться и углубляться. Бурение длилось около получаса, пока она не произнесла лишь одно слово: «вода», и не прекратила ритуал. Я думал, что она сейчас забросит удочку или сделает что-то похожее, но вместо этого она села на колени, заглянула в скважину и проговорила глубоким голосом, который я мысленно назвал океанским:

– Маленький водный друг, приказываю, пожертвуй мне свою жизнь, во имя Океана! Подплыви же и позволь мне достать тебя!

После этих странных слов она резким движением вскинула руку, и из скважины забил фонтан воды, в котором трепыхалась небольшая глубоководная рыбка. Королева рыб и остальных морских тварей ловко и хищно поймала её и вполне тривиальным движением оглушила об лёд.

– У меня есть спиртовка, специально на такой случай, – радостно сообщила она, – можно вообще не задерживаться на островах, верно?

– Ну, иногда всё же полезно бывает в тепле... – возразил я, и как бы в подтверждение собственных слов разразился чахоточным кашлем. Она молча и озабоченно следила за тем, как я согнулся от рези в лёгких, хватал ртом морозный воздух, задыхаясь, а в довершении всего смачно сплюнул кровь.

– Неужто на твоей родине не было врачей, способных распознать подобную хворь? – сочувственно спросила она.

– Да что там распознавать! – вздохнул я, досадуя на свой слабый организм, – у нас все этим болеют. Чихотка. Вроде хронического воспаления лёгких. Она не лечится.

– Лечится, и ещё как, мой медно-угольный друг. Хотя это гораздо серьёзнее синяков, какими наградила тебя ветер. Подожди, – мне показалось, что она выхватила откуда-то нож, но это оказалась блеснувшая на солнце огромная капля воды в форме клинка. Она послушно легла в руку колдуньи. Сирена сделала у себя на предплечье глубокий продолговатый порез, протянула мне кровоточащую руку и сказала повелительным тоном:

– Пей!

– Может, не стоит?..

– То есть я напрасно поранила себя? чего ты боишься больше, незнакомого заклинания или умереть, когда стгнут твои лёгкие?

Доводы показались мне вполне весомыми (насколько вообще что-либо может быть весомым в такой иррациональной ситуации), я взял руку девушки и осторожно слизнул ярко-лиловую кровь. Она полыхнула у меня внутри, словно подожжённый спирт. Я хотел закричать, но голос не слушался. Я смутно осознал, что упал и катаюсь по льду. По ощущениям у меня в грудной клетке ворочали раскалённой кочергой. Под конец, изо рта хлынуло какое-то чёрное вязкое дерьмо, сменившееся затем кровью.

– Пей дальше, – донёсся океанский голос сквозь толстую багровую пелену боли.

– Нет... Ведь... Ма... – прохрипел я.

– Я всего лишь вывела всю дрянь, что скопилась там за эти годы, и все воспалённые ткани. Так что пока у тебя там дыра. Пей, чтобы вырастить новые эпителиальные клетки, если не собираешься здесь же истечь кровью! Услышь мои слова! Они разумны, я уверена, что ты понимаешь это, Куберт! Иначе всё будет напрасно.

Я вновь доверился русалке, вцепился в её руку и стал глотать её кровь вперемешку со своей. Вскоре мне полегчало. Я откашлялся, выпил воды. Вдохнул сначала аккуратно, затем поглубже, потом полной грудью... я не кашлял! Воздух плавно наполнял мои лёгкие и так же плавно покидал, не смотря на то, что был такой холодный!

– Ну всё, дыши нормально и не переусердствуй. Так можно и ангину заработать, – проворчала Рена, промывая и бинтуя свою руку.

– Спасибо... Спасибо большое!!! Ты снова спасла меня! – воскликнул я. Нервы мои были уже на пределе после всех сегодняшних чудес.

– Уверена, когда-нибудь ты отплатишь мне тем же. А теперь стоит подкрепиться – ты потерял много крови, – я вдруг заметил, что она тоже выглядит измождённой.

От спиртовки уже доносился восхитительный аромат жареной рыбы.

Глава 12. Лесная дорога и замок Норд-феррумвуд. Вельт, эра Позднего Льда

– Кайт, тебе знакомы эти места? – обратился ко мне Итшихи.

– Я родился на этом острове и провёл всё своё насыщенное детство. Так что знаю его как свои пять пальцев.

– В таком случае, где можно остановиться на ночлег?

Я задумался. Обширный остров Феррумвуд и несколько островов поменьше, расположенных неподалёку, когда-то объединялись в отдельное княжество. Теперь же, после превращения Меерланда в Меерландскую Империю, он стал всего лишь одной из её многочисленных земель. Власть была поделена между несколькими дворянскими домами, постепенно нищавшими из-за истощения залежей железной руды, которыми архипелаг был знаменит в лучшие времена. В настоящее время экономика Феррумвуда держалась на экспорте древесины хвойных пород и других плодов лесного хозяйства. Мы, как назло, подъехали к самой безлюдной части острова, и ближайшим имением был замок сумасбродной баронессы Норд-феррумвудской, но и до него нам не добраться раньше полуночи. Так я и сообщил Итхи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.